

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

Молодой исследователь, недавняя выпускница Камчатского государственного университета им. В. Беринга Елена Викторовна Глинчикова — дебютантка нашего ежегодника. Представляемая ниже статья написана на основе ее дипломной работы и посвящена малоизученному вопросу взаимоотношений советской власти и православных общин на полуострове. Консультировал и помогал автору в подборе материала историк В. П. Пустовит.

Взыскательный читатель может обнаружить в этом исследовании изъяны и недостатки. Они, видимо, неизбежны. Все мы учимся методом проб и ошибок, и другого способа обретения опыта еще не придумано. Редакция «Вопросов...» поздравляет автора с первой большой публикацией и надеется, что она станет лишь началом интереснейшего пути познания прошлого нашего Отечества. Приглашаем к сотрудничеству и других молодых пытливых исследователей, решивших связать свою судьбу с исторической наукой.

Е. В. ГЛИНЧИКОВА

ПРАВОСЛАВИЕ И СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО НА КАМЧАТКЕ В 1920-х — НАЧАЛЕ 1930-х гг.

1. ВНЕДРЕНИЕ АНТИЦЕРКОВНОГО ДЕКРЕТА

Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. начал реализовываться на Камчатке только в 1923 г., после окончательного установления советской власти. В сельские и волостные ревкомы поступила инструкция (извлечение из «Порядка проведения в жизнь декрета Народного Комиссариата Юстиции»), описывающая порядок реализации декрета на местах. В нее входили следующие обязательные пункты: произвести регистрацию групп верующих (при этом составить список верующих общим числом по возрастам), экспроприировать наличные капиталы вероисповедных ведомств, произвести описание церковного имущества.

Ревком должен был принять имущество и вместе с описью передать его в безвозмездное пользование зарегистрированной группе верующих (в группе должно быть не менее двадцати верующих). При передаче надлежало заключить обязательный договор, в котором прописывались права и обязанно-

сти религиозной группы. Не предназначенные для богослужебных целей имущества: дома, земли, угодья, рыбные промыслы подлежали немедленной экспроприации. Преподавание религиозных вероучений в государственных, общественных и частных учебных заведениях запрещалось. Все кредиты и ассигнования, выделенные на церковь царской властью, немедленно закрывались, здания церковноприходских школ переходили в распоряжение губернского отдела народного образования, из храмов устранялись все предметы, имеющие отношения к членам царской династии (портреты и прочее). Религиозные шествия (крестные ходы, например) допускались только с письменного разрешения местной власти, причем заявления должно были подаваться не позднее, чем за два дня до их совершения [1, л. 7—8].

В 1916 г. в Камчатской области насчитывалось 35 церквей, 38 часовен со святыми престолом и 42 школы. Камчатские церкви, особенно сельские, были довольно бедные, лишь некоторые приходы в больших населенных пунктах могли похвастаться наличием богослужебных предметов из драгоценных металлов. Сельская церковь имела вид небольшого деревянного сооружения. Ее внутреннее убранство обычно не отличалось разнообразием: несколько икон в киоте, десяток бумажных икон, облачения священника и обязательные богослужебные принадлежности (потир, лжица, дискос, воздухи, покровцы и т. д.); несколько книг, пара стульев, стол, чайник и несколько травяных дорожек, символизирующих заботу о церкви и бедность малочисленного прихода. Экспроприированные церковные денежные суммы в небольших селениях, как правило, составляли 10—12 руб.

Необходимо заметить, что местному причту было довольно тяжело содержать церкви, чем отчасти можно объяснить их бедность, а иногда и ветхость. Помимо поддержания самого здания следовало обеспечивать священника, привозить дрова для отопления и т. д. Деревянные церкви быстро ветшали из-за ветреной и влажной камчатской погоды, уход за ними был трудоемок.

Инженер П. П. Крынин в 1909 г. указывал: «... не менее времени и сил отнимает обязанность содержать часовни, церкви и школы. Это содержание заключается в отношении часовен и церквей, в заготовке для них дров для отопления, равно как и для жилых домов, занимаемых причтом, в ремонте таковых сооружений, а равно и принадлежащего им инвентаря, отнесении службы трапезника при церкви и сторожа при доме настоятеля прихода и школе. Отнесение этих повинностей для селений прихода, далеко отстоящих от церкви, представляет немало затруднений, так как обязанности относятся жителями всех селений фактически в очередном наряде. Как пример можно указать на Мильковский приход, в котором селение Ганалы отстоит от церкви в расстоянии около 133 верст (сухопутьем). Чтобы исполнить службу сторожа или трапезника при церкви, как установлено среди жителей в течение

трех очередных суток, камчадал должен потерять не менее десяти дней, считая переходы туда и обратно».

Тем не менее, в больших селах церковь являлась довольно большим, богато украшенным, ухоженным зданием. Это особенно хорошо видно на примере Мильковской церкви, чьи белоснежные стены и золоченые кресты сильно контрастировали с общей деревянно-избушечной архитектурой. В число самых красивых церквей полуострова входили Ключевская и Нижнекамчатская.

Ключевская Троицкая церковь длиной 11, шириной 4,5, высотой 2 сажени была выстроена из лиственного леса. Крыша — железная, стены — белые снаружи и изнутри, внутри обтянуты и выкрашены голубой краской, пол — желтый. Колокольня разобрана, а вместо нее выстроена звонарня. Церковь была обнесена оградой с красивыми воротами. Внутри находился четырехъярусный предалтарный иконостас простой работы из лиственного леса, с резьбой, обведенный золоченым багетом. Над царскими воротами возвышался образ Распятия. На стене висела дорогая (70 руб.) икона Господа Саваофа, писанная на полотне длиной два аршина. Имелось значительное количество разнообразных икон на деревянных досках и бумажных. В третьем ярусе иконостаса слева находился образ Успения Божией Матери в серебряной ризе, позолоченный с венчиком (260 руб.). Колоколов было пять. Самый большой весил 41 пуд 32 фунта, три соответственно 10 пудов 7 фунтов, 10 пудов, 1 пуд 10 фунтов и самый маленький — 10 фунтов. В церковной библиотеке имелось значительное количество богословской и другой литературы [1, л. 49—61].

Восьмиугольная двуглавая Нижнекамчатская церковь во имя Успения Божией Матери длиной 19, шириной 10,5 аршин и высотой 11 аршин была построена в 1865 г. «тщением прихожан и частью на церковную сумму» из лиственного леса и снаружи покрыта тесом. В 1923 г. ее обнесли оградой. Внутри алтаря имелось три окна. За престолом находились крест и икона. Церковные ворота деревянные, старинной резьбы, позолоченные. По правую и по левую сторону от Царских врат располагались образы Спасителя и Богоматери «хорошей работы» (по 97 руб. 29 коп.). Напрестольный семисвечник из белого металла был пожертвован прихожанами в 1917 г. Пол церкви окрашен масляной краской, потолок обтянут миткалью, стены обклеены обоями. Окна имели высоту 1 аршин 23 дюйма и такую же ширину. На стенах висели восемь больших икон, в притворе — образ св. Николая в серебряной ризе (162 руб.). Крытую тесом колокольню прихожане возвели из лиственного леса в 1908 г. Самый большой ее колокол весил 40, средний — 23, самый маленький — 1 пуд. Библиотека, построенная прихожанами, считалась «довольно обширной» [1, л. 128—130].

Изъятие церковных ценностей и закрытие церквей и часовен началось в 1923 г. Это могло увеличить доходы местного бюджета, а также дать пред-

ставление камчадалам о серьезности новой власти и ее решительности в борьбе с «религиозными заблуждениями».

Средством усиления давления на Русскую Православную церковь (РПЦ) служила новая инструкция о регистрации религиозных обществ, опубликованная в № 1—3 журнала «Революция и церковь» за 1923 г. Согласно постановлению ВЦИК от 3 августа 1922 г. ни одно религиозное общество какого бы то ни было культа, не могло действовать без регистрации в отделе управления губ- или облисполкома. Если устав общества, задачи его и методы деятельности противоречили Конституции РСФСР и ее законам, отдел управления отказывал в регистрации. Религиозные общества, не зарегистрировавшиеся в указанном порядке, считались закрытыми.

После того как местные власти описали имущество, верующим было необходимо в кратчайшие сроки зарегистрироваться как религиозной группе. Церкви до их регистрации пустовали, а власти стремились отдать их на «общественные нужды». Для того, чтобы сделать свое положение легальным, верующим необходимо было предоставить властям значительное количество документов:

— протокол собрания верующих об организации религиозного общества с указанием в нем пожелания взять имущество в свое ведение и лиц, ими считающихся уполномоченными учредителями;

— список священнослужителей, если таковые имеются;

— устав общества, подписанный членами-учредителями;

— список верующих;

— договор об использовании церкви и церковного имущества;

— акт о приеме церковного инвентаря;

— опись церковного имущества.

Все документы предъявлялись в 3—5 экземплярах [1, л. 75]. Для малограмотного камчатского населения нередко уже это являлось непреодолимым препятствием. Местные власти неохотно разъясняли подробности порядка сбора необходимых документов. Так, в заявлении от 9 ноября 1923 г. Ушковское религиозное общество (Усть-Камчатская волость) просит разрешение «о выдачи часовни и всего имущества от селькома», а «подписать договор общество не может, так как не может его понять» [1, л. 8].

Все сложности в процессе регистрации религиозных групп власти использовали для скорейшего закрытия церкви, передачи ее под клуб или школу, а иногда просто для сноса. В практику вошло так называемое «формально-согласное» закрытие церквей. В циркуляре Дальбюро ЦК РКП(б) Камчатскому губревкомму № 362 за сентябрь 1924 г. значится: «Закрытие [церквей] происходит на основании голосования на общих собраниях рабочих и крестьян, часть которых после голосования активно же борется против закрытия, особенно в деревне» [2, л. 12]. В закрытом письме секретаря Дальневосточного

крайкома ВКП(б) Кубяк сообщал: «Метод закрытия церквей был обычно таков: устраивалось собрание в деревне, приезжал кто-то из работников ГПУ, делал “доклад”, в результате — готовое постановление о закрытии церкви и передачи ее под избу-читальню» [3, л. 12].

Упомянутый циркуляр Дальбюро рекомендовал камчатским «товарищам» из-за недовольства, жалоб в центр и прочих конфликтов «отвергнуть метод [формально-согласного закрытия церквей] как вредящий авторитету Соввласти» [2, л. 12]. Но в отчетах вышестоящие инстанции каждый раз требовали предоставлять информацию о реализации декрета об отделении церкви от государства (по сути, имелась в виду скорейшая ликвидация всех церквей и часовен). Закрытие каждой церкви считалось большой победой в деле антирелигиозной пропаганды. Количеством закрытых церквей измерялась эффективность всей антирелигиозной работы, проводившейся в округе. Например, в отчете агитационно-пропагандистского отдела Камчатского окрбюро партии Далькрайкому ВКП(б) за сентябрь 1926 г. результаты собственной работы оцениваются следующим образом: «Антирелигиозная пропаганда протекает через комсомол-ячейки и при них кружки естествознания. Благодаря нерезкой и не вызывающей постановки, достигнуто в сравнительно небольшой период хороших результатов, а именно: 18 церквей и часовен отданы под клубы, 5 совершенно уничтожено (ветхие и не могли быть использованы), а одна часовня в туземном районе передана в баню (туземцы не имеют бань)» [4, л. 9].

Несмотря на запрещение нелегитимного «формально-согласного подхода» желание властей достаточно точно угадывалось: закрыть церкви как можно быстрее и без конфликтов с населением. Добиваясь этого, власти могли обманывать население и совершали различные махинации с документами. Анализ документов показывает отсутствие законности в деле регистрации религиозных групп и передачи церквей на общественные нужды. Так, заместитель начальника окружного ОГПУ Южно сообщал секретарю окрбюро ВКП(б) Зыкину: «18/11-28 года члены Религиозного Общества на своем собрании постановили передать церковь Райисполкому. После передачи 19 и 20/11-28 года здание церкви было преобразовано в другой вид, т. е. крест снят, вывешен флаг, алтарь разорен и т. д. Фактически здание церкви официально-юридически передано не было, а именно: при разрешении вопроса о передаче в действительности присутствовало не более 25-ти человек, что уже незаконно, а в протоколе же фигурировало 55 человек, второе — верующими не был подписан протокол передачи, тогда как это является основой всего, в таком же неоформленном положении передача здания была до приезда начальника Милиции К. . .

Председателем РИКа (районного исполнительного комитета. — *Е. Г.*) и Секретарем Д. было дано задание начальнику Милиции, каким-либо

способом оформить передачу здания до приезда властей, и вообще, пока верующие не хватились...

10/1-29 года было собрание членов религиозного общества, где начальник Милиции всяческими способами подошел к религиозным так, что все присутствующие — 46 человек, подписали протокол передачи. К. им говорил, что РИК отдает амбар церковный, сарай и ту сумму, которая предъявлена вам, будет погашена. Верующие Косыгин Е. П., бедняк, Мухин А. Л., Толман Федор спрашивали его: “Можно ли выстроить себе небольшой домик для церкви”. К. ответил: “Конечно можно, и это будет ваша собственность, и РИК всегда пойдет к Вам навстречу”. После подписи начальник Милиции говорил: “Ну и дело обделал, вырубил РИК”.

Такая передача церкви Райисполкому среди верующих и вообще жителей с. Тигиль вызвала ряд больших недовольств по адресу РИКа».

В этом же документе приведен список жителей с. Тигиль, наиболее недовольных таким закрытием церкви.

Подобные случаи не являлись редкостью. Некоторые представители местной администрации занимались подделкой протоколов сельских собраний и собраний верующих, из которых следовало, что жители якобы отказываются принимать церковное имущество и само здание церкви. Так, верующие с. Седанка (Тигильская волость) отправили властям все необходимые документы для регистрации своей общины (протокол общего собрания верующих, где все 50 чел. соглашались принять местную церковь, и договор о передаче религиозному обществу церковного имущества, список членов исполнительного органа Седанкинского религиозного общества, список верующих граждан села, почти поголовно являвшихся камчадалами, и другие). Но начальник Тигильского волревкома сообщил в губревком об отказе верующих принять местную церковь, ссылаясь на протокол собрания религиозного общества [5, л. 25—97].

Иногда процесс передачи церкви под общественные нужды обострялся грубыми действиями со стороны властей, приводившими к столкновениям с верующими. В апреле 1930 г. в с. Елизово были арестованы трое верующих в целях «обезвреживания их при постановке вопроса о передаче церкви» председателем сельсовета Сметаниным. Камчатский окружком ВКП(б) считал данные действия «грубейшей ошибкой, проявлением недопустимого администрирования... Многие подали в сельсовет заявление о своем выходе из группы верующих и о своем согласии передать дом церкви под избучительню. Исходя из этого, считать необходимым: ...2) просить контрольную комиссию расследовать и разобрать поступок тов. Сметанина, привлечь его к партийной ответственности, 3) поручить Петропавловскому райбюро вместе с окрсоветом безбожников усилить в Елизово антирелигиозную пропаганду и культурное обслуживание населения».

Подобное «недопустимое администрирование» наблюдалось и в отношении изъятия церковного имущества. Эту кампанию в Центральной России начали в 1922 г. 2 января 1922 г. был опубликован декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей для нужд голодающих. Предполагалось, что изъятие богослужебного имущества не встретит большого сопротивления, если его производить, обосновывая богатством церкви.

На Камчатке данная кампания проводилась совместно с реализацией Декрета об отделении церкви от государства. Все церковные ценности, какие не удалось спрятать местному духовенству и верующим, попадали в местные органы власти. Однако изъятий имущества в работающих церквях не наблюдалось, и многие ценные предметы оставались в них до 1926—1928 гг.

Церковное имущество всегда представляло большой интерес для властей. Часто оно шло на реализацию, о чем свидетельствуют документы административного отдела окрревкома. Постановлением от 8 июля 1926 г. имущество Паланской церкви, Седанкинской, Кинкильской часовен и церкви в с. Лесная предусматривалось «передать фондовой комиссии при окружном финотделе для реализации». Так же поступили с имуществом богослужебных зданий с. Тиличики. Имущество, которое сложно было вывезти и реализовать, обычно не оберегалось. В лучшем случае оно оставалось лежать на складе, в худшем просто уничтожалось.

Из отчета председателя Пенжинского уездного ревкома Пономарева: «Церковное имущество, находящееся в бухте Корфа и Пенжино, и по старой инвентарной книге совершенно не учитывалось, несмотря на то, что сведения о количестве имущества от Селькомов были получены. Отсутствием учета имущества в течение продолжительного времени в связи с случаями обнаружения незанесенного в приемо-сдаточные ведомости имущества побудили Уревком произвести детальный учет такового...

Вследствие не соответствующего ранее хранения церковного имущества получился лом в количестве свыше 8-ми пудов, главным образом медных и металлических церковных принадлежностей, первоначальное назначение какового при проверке имущества определено по предметно, за исключением небольшого количества лома, не поддавшегося определению. Далее принято выявление имущества, начиная за 1922, 1923, 1924 и 1925 гг. с составлением инвентарных книг и указанием его происхождения. Выявление производилось на основании документов, так как иначе выявить имущество не представлялось возможным» [6, л. 68]. А на о. Медном 11 июня 1926 г. группа партийцев «избрала мишенью для стрельбы из маузера церковную кладовую. В итоге оказалась пробитой пулей икона Божией Матери. Группа «стрелков» состояла из начальника Командорских пушных промыслов Кузьмы Васильевича Кулагина, его помощника Григория Ивановича Харчука, промысловых надзирателей Сергея Яковлевича Мамрука и Антропова [7].

Иногда оставшиеся бесхозными церковные вещи тайком забирали верующие или растаскивали местные жители для бытовых нужд (например, в с. Мильково купель для крещения использовали в качестве тазика в бане). Потрепанные облачения, богослужебные книги впоследствии могли использовать как бутафорию в местном клубе.

Подтверждение тому — акт, составленный гижигинским партпрофклубом 10 февраля 1926 г.: «Просматривая и разбирая вещи, тряпье и разный хлам для сцены клуба, в коих оказались следующие вещи: один лоскут атласный вышитый шёлком (квадратный на прокладке), одна мантия монашеская из чёрной материи, одна скуфия (поповская) и один шт. коврик-орлец (маленький), каковые негде в имуществе клуба не значатся, а по сему вместе с настоящим актом, указанные четыре вещи передаются зав. Общим Отделом Гижигинского УРК, как, по всей вероятности, принадлежащие церковному имуществу, и на каковые нет никаких документов» [8, л. 175].

В 1930-е гг. мало кто заботился о сохранности богослужебного имущества. В с. Мильково, например, на торгах распродали местным жителям все оставшееся от закрытой церкви. 2 июня 1934 г. начальник Усть-Камчатского районного ОГПУ Мейя направил районному прокурору докладную записку, что «имущество церкви с. Нижне-Камчатск валяется вразброс по улице, причем по инициативе председателя сельсовета С., председателя колхоза К. и избача Б. иконы положили как переходы через грязь и для вытирания ног у клуба, просим расследовать это дело, о результатах поставить нас в известность» [9, л. 77].

При проведении декрета об отделении церкви от государства власти действовали довольно оперативно, стараясь закрыть все действующие на полуострове церкви. Представлялось, что «быстрая битва» намного выгоднее долгой «окопной войны» с верующими, когда, успев опомниться, те могли предпринять какие-либо действия.

На Камчатке одним из первых селений, жители которого 28 ноября 1923 г. отказались от своей церкви, была Карага (Дранкинская волость). «Утварь [закрытой церкви] передали волревкому для отсылки в адрес райкомиссии “Последголод”». Но, как следует из акта Карагинского сельского комитета, «потолок [этой] церкви разваливается, само здание скоро упадет».

Дранкинскую церковь закрыли «ввиду отсутствия верующих» [1, л. 84, 26, 180], хотя в это довольно сложно поверить, так как если бы там действительно не было верующих, вряд ли бы жители продолжали содержать здание.

Всего за 1923—1924 гг. в Усть-Камчатском районе было зарегистрировано только несколько религиозных групп. В селе Нижнекамчатск православных верующих имелось 89, Усть-Камчатске — 135, Толбачике — 62, Ушках — 28, Харчино — 18, Щапино — 32, Еловке — 12 [1, л. 83, 117, 121, 159].

В марте 1925 г. передали «на культурно-просветительские цели» часовню с. Машура. Часовню в Козыревске в это же время превратили в клуб.

В Тигильской волости реализацию декрета начали осенью 1924 г. О проделанной работе в своем отчете от 2 сентября 1925 г. сообщает глава волревкома: «Лесновская, Кинкильская, Паланская и Седанкинская религиозные группы принять церкви и часовни отказались. Об отказе принять верующими Паланскую церковь тоже зафиксировано в протоколе сельского общественного собрания... Переведено на хранение сельревкомом богослужбное имущество. Воямпольская часовня передана группе верующих. В селениях Напана и Аманино богослужбных домов и имущества не имеется, в с. Кахтана богослужбного здания тоже не имеется, а имеющееся богослужбное имущество передано на хранение сельревкому. Тигильская церковь до сего времени так и остается не переданною, хотя волревкомом созывалось уже четыре собрания верующих по данному вопросу, из которых на первых трех собраниях не пришли ни к какому заключению, а только на четвертом собрании, в присутствии предревкома тов. Пономарева, верующие постановили принять церковь» [5, л. 73].

8 июля 1926 г. была передана под школу Паланская церковь.

В других волостях ситуация была схожей. В докладе председателя Хайрюзовского волревкома о состоянии волости с октября 1924 по апрель 1925 г. сообщается: «Отделение церкви от государства закончилось полностью в лето 1924 г. Групп верующих в волости нет. Хайрюзовская церковь обществом передана под школу. В остальных селениях от пользования часовнями и содержания таковых население отказалось. Часовня в с. Сопочном за ветхостью по решению губотуправ сломана, годный материал употреблен для общественных построек. Часовня в Утхолоке также для никаких целей в виду ветхости не приспособлена, и общество возбудило ходатайство о сломе таковой. Более или менее исправными являются здания Ковранской и Морошечной часовен, которые ни под какие нужды обществом не используются» [10, л. 90 об.].

В Соболевской волости «декрет об отделении церкви от государства проведен по волости полностью. В с. Колпаково жители от часовни отказались, здание часовни за ветхостью никуда употреблено быть не может. В селениях Облуковино и Ича часовни переданы группе верующих... Зарегистрированными группами верующих считаются две: в с. Облуковино — 54 человека и в с. Ича — 54 человека. В остальных селениях церковей нет». В самом Соболево 7 ноября 1924 г. в здании церкви был открыт клуб «Имени семилетия Октябрьской революции». В клуб записалось сразу 17 чел. [10, л. 121].

В Большерецком районе процесс закрытия церковей и часовен проходил по той же, отвергнутой циркуляром Дальбюро ЦК в 1924 г., схеме.

В с. Голыгино собрание граждан 29 декабря 1924 г. просило волревком решить весь материал часовни употребить на ремонт школы. На следующий же день в село приехал председатель Большерецкого волревкома С. Ф. Соловь-

ев для «произведения описи часовни и имущества на предмет передачи такового на хранение Гольгинскому сельревкому». В этот же день имущество отправили в Большерецкий волревком, а 7 января его решили передать губревкому. Часовню признали целесообразным использовать под школу.

Следующим на очереди было с. Явино. 15 января 1925 г. тот же Соловьев принял в свое ведение ветхую деревянную часовню с полуоткрытой крышей. А 13 февраля волревком решает Явинскую часовню продать, деньги же перевести в фонд волкредкома [11, л. 24].

В самом Большерецке по постановлению от 9 августа 1924 г. церковное помещение вместе с амбаром передали местной школе, богослужбное имущество перешло к группе верующих. В Усть-Большерецке тем же постановлением церковный склад передали под вновь строящуюся школу.

В с. Кихчик часовня перешла в распоряжение сельревкома. Местные комсомольцы хотели использовать половину ее под клуб.

В с. Колпаково 8 июля 1926 г. часовню передали на «культпросвет нужды». Богослужбное и небогослужбное имущество постановили отдать госфондовой комиссии при ОКРФО — окружном финансовом отделе — для реализации, здание, «как развалившееся», — тоже.

В Большерецком районе реализация декрета прошла достаточно успешно. За первое полугодие 1926—1927 гг. религиозных организаций в районе было зарегистрировано всего три: Большерецкая, Облуковинская и Ичинская. Молитвенных зданий имелось всего десять, и только три из них сданы верующим, пять использовались под культурно-просветительские надобности и два не использовались вообще. Но власти не остановились и на этих «успехах». В 1930 г. часовни или церкви (составители документов все время путали эти понятия) в с. Ича и Облуковино были переданы сельсоветам, а религиозные общества распущены [12, л. 40].

В Пенжинском районе в с. Левчик общее собрание верующих 21 мая 1924 г. постановило: «Идиногласно церковь не содержать а таковое здание предоставить для помещения школы».

3 октября 1925 г. по ходатайству Николаевского сельского общества, при поддержке ГубОНО и Елизовского волревкома, местную церковь также передали под школу.

В Петропавловске постановлением губревкома от 9 сентября 1924 г. помещение часовни передавали губкомхозу «с правом сноса», площадь — отделу управления и губкомхозу для устройства детской площадки. 24 июня 1926 г. теперь уже окрревком постановил передать старый сарай и ограду бывшего собора Окроно, а сарай снести за ветхостью.

Религиозная жизнь на Камчатке после нескольких лет реализации декрета об отделении церкви от государства представляла в большинстве случаев печальное зрелище. После проведенной инвентаризации церковь долго

могла стоять пустующей или в соответствии с «нуждами нового общества» ее перестраивали под школу, избу-читальню или клуб. Отобранную у населения, закрытую, гниющую при влажной камчатской погоде, оставленную без всякого ухода церковь или часовню через два-три года разбирали на дрова. Так, сносу подлежала часовня в с. Кинкиль, а «материал часовни» в с. Морошечном употребили для ремонта школы. В с. Апача (Усть-Большерецкий район) сруб часовни, пришедший в негодность, решили просто ликвидировать [13, л. 15, 36 об., 11]. Такая участь ждала многие маленькие часовни и церкви. Богослужбное имущество, не попавшее в ревкомы, оставлялось на месте, и тогда оно могло использоваться для театральных постановок, но чаще просто бесследно исчезало.

Пик закрытия церквей и часовен пришелся на 1924—1926 гг. В отчете о работе Камчатского губревкома за 1924—1925 гг. значится: «Декрет об отделении церкви от государства проведен в жизнь, за исключением регистрации религиозных обществ и групп. Живоцерковцев (представители организации «Живая церковь». — *Е. Г.*) и других сект и религий нет. Церковной литературы не распространялось. Всего зарегистрировано 12 обществ и групп — 1. Закрыто и передано на культурно-просветительские и другие цели 12 церквей. Всего по всей губернии имеется 35 церквей и 35 часовен. Всего передано в бесплатное пользование группам и обществам 13 молельных зданий (на каждую группу по одному). В 13 обществах и группе состоят 1 257 человек. Отношение у населения к декрету хорошее. Осложнений нет» [14, л. 11].

О том, что далеко не всегда верующие вели себя смиренно по отношению к происходящему, показывает история борьбы маленького религиозного общества с. Лесное Тигильской волости за свою церковь. В 1925 г. верующие, среди которых преобладали камчадалы, стали собирать необходимые для регистрации и передачи в их пользование здания церкви и церковного имущества документы. Власти воспользовались самой простой формой отказа — искусственно созданными бюрократическими препятствиями. Верующим объявили, что они выслали недостаточное количество экземпляров необходимых бумаг. Церковь осталась пустовать, зато глава Тигильского волревкома сообщил начальству, что 2 сентября 1925 г. верующие отказались ее принять. Но на этом православные камчадалы не остановились.

Они обратились в президиум райисполкома. Тот постановил: «Ввиду того, что здание и имущество церковное бывшей Лесновской церкви передано по постановлению общего собрания верующих, [оно] и считается национализированным». А в октябре 1926 г. с церкви для ремонта школы сняли «6 штук стекол». Осиротевшая церковь простояла брошенной еще четыре года.

Просьбы местных православных верующих дошли до Туземного районного съезда Советов, заседания которого состоялись 21—23 марта 1930 г. Камчадалы, наконец, добились желаемого. В протоколе съезда с явным

неудовольствием записано: «Оформить договорами пользование церковью в с. Лесной верующими, в противном случае, использовать на общественно-полезные нужды села» [15, л. 5; 16, л. 35, 91]. Такая настойчивость свидетельствует о действительно горячей потребности населения (не всего, но основного костяка верующих) в церковных службах.

Имеются сведения о том, что даже в период самого активного наступления на церковь на Камчатке строились новые часовни. Председатель Тигильского волревкома И. А. Шпагин сообщал в своем отчете: «Новые часовни выстраиваются в селениях Кахтане и Напане...» [7, с. 126—133].

Значительную помощь закрытию церквей и часовен оказывала антирелигиозная пропаганда. Вот что сообщает газета «Полярная звезда» в статье «Здание церкви — под избу-читальню!»: «В Елизово борьба из-за церкви. Здание в течение шести месяцев совершенно никем не эксплуатируется. Конечно, за церковь “православные” ухватятся. Но профсоюз, комсомол, женделегатки и актив против. 12 декабря пионеры прокричали: “Нам негде проводить свою работу, необходимо церковь передать под клуб!”... Верующих на селе больше, чем неверующих...» [17].

Момент закрытия церкви и перехода здания в распоряжение сельсовета, который обычно определял ее на общественные нужды, был для прихожан наиболее тяжелым. Многие их односельчане радовались и на общественных собраниях с восторгом слушали горячие речи, несомненно, звучавшие для верующих как богохульство.

Когда в с. Паратунка открылась школа, «Полярная звезда» напечатала обычную для того времени речь местной учительницы по этому поводу: «Паратунцы-отцы сняли крест с божьего храма, превратив его в школу и избу-читальню, водрузив на место креста Красное знамя Труда, и я глубоко убеждена, что паратунцы-дети на этой крыше водрузят радиоприемник, и с места амвона раздастся передача громкоговорителя, и тогда мы не отстанем от города» [18].

Одной из самых трагических страниц в истории исчезновения камчатских церквей стало закрытие Петропавловского собора — самой большой, богатой и красивой церкви полуострова. В первые годы существования на Камчатке новой власти закрыть его не было никакой возможности. Это могло вызвать большое недовольство в среде верующих горожан. Но все же прихожанам быстро дали понять, что с их мнением в скором времени перестанут считаться совсем.

С 1928 г. начинается активная пропагандистская работа, направленная на подготовку общественного мнения к предстоящему закрытию храма. В ней высмеивался городской священник, благочинный камчатских церквей о. Леонтий Яковлев. «Полярная звезда» 20 мая 1928 г. сообщала: «После приезда в Петропавловск поп Леонтий с амвона произнес такую речь:

“Был я в матушке-России. Там другая жизнь...” Такого вруна, как о. Леонтий, мы не видели».

В газетных статьях утверждалось: «Религия задерживает умственное развитие трудящихся, она лежит препятствием на пути социального строительства, она — опора контрреволюции» [19]. Здесь же обычно приводились заявления советских рабочих и служащих Петропавловска о желании передать здание церкви на культурные нужды.

Возможно, что верующие, не выдержав грубой, клеветнической пропаганды, в качестве последней меры решили обратиться к председателю Камчатского окрисполкома с ходатайством о «помощи к ограждению от усилившихся за последнее время безбожников... освободить из-под ареста о. Николая Петрук и разрешить [благочинному] Леонтию [ездить] по окрестным селениям». «Полярная звезда» сообщает об этом визите в сатирической форме. Она дает грубые, высмеивающие характеристики всем лицам, участвующим в делегации: Ив. Ин. Косыгину, Е. Х. Шаталиной, Д. Д. Савинскому, Г. А. Ворошилову и другим [20].

В агитационных статьях, напечатанных в «Полярной звезде» в 1928—1929 гг., утверждается, что большинство рабочих и служащих Петропавловска решительно выступают за передачу здания церкви под общественные нужды, но только реакционные контрреволюционеры, которых в городе осталась горстка, выступают против этого. Так, газета объясняет, что закрытие обсуждалось и на общем пионерском собрании, и на собрании военнослужащих, и на всех предприятиях города. Там звучали такие доводы: «Очаг тьмы и духовного невежества превратим в очаг культуры! Петропавловск переживает сильную нужду в жилом помещении: негде открыть детские ясли, нет помещения для детсада, нет комнат для кружковой работы клуба. В то же время в городе есть церковь, которая обслуживает небольшую группу доживающих свой век людей. Профсоюзные организации Петропавловска также требуют передачи здания Петропавловского собора под культурные учреждения. Приняли резолюции: грузчики, работники просвещения, совторгслужащие.

Заслушав доклад о религии и науке, общее собрание группкома № 2 постановило: “Усилить работу среди членов союза с целью вовлечения их в Союз безбожников, перенос на 3—4 мая, передача церкви. Работники земли и леса. Собрание служащих объединенного группкома № 4, работники прилавка (аковцы), работники отделений банка и ОкрФО”» [19].

В это же время власти составляют списки прихожан городского собора, но по понятным причинам не публикуют их. «В январе 1929 г. председателем приходского Церковного совета Петропавловского собора священником Леонтием Яковлевым по требованию управления райгормилиции был составлен основной перечень членов религиозного общества православных

христиан древнеапостольской соборной церкви при Петропавловском соборе на 30 января 1929. Он включает 135 человек. Указано, что в Сероглазке — 32, в Аваче — 43, в том числе 18 мужчин, а в Халактырке — 22 человека верующих-христиан» [7, л. 126—133].

В январе того же года власти «произвели осмотр икон и картин религиозного содержания, находящиеся в Петропавловском соборе, для определения их ценности в художественном и научно-историческом отношении». Три особо ценные иконы планировалось передать камчатскому музею: 1) икону четырех святителей Петра, Павла, Иннокентия и Николая (на доске размером 0,8 на 1,5 м, с серебряной ризой чеканной работы, внизу изображен вид Петропавловска. Как видно из надписи на иконе, она пожертвована участниками сражения с англо-французами в 1854 г.); 2) икона апостола Павла (на доске размером 0,75 на 1 м, в серебряной ризе чеканной работы со следами реставрации. Имела надпись: «Сей святой образ обложением украсится и тщанием по обещанию флота лейтенанта Дмитрия Овчина и всех служителей спасшихся с пустава острова и дошедших до камчатских берегов (неразборчиво) году августе месяце»); 3) икона на полотне «Господь Саваоф», оцененная по инвентарной описи в 30 000 руб. (картина размером 2 на 1,5 м).

Газета «Полярная звезда» словно подталкивала власти к закрытию собора, желая сделать это до самого значительного праздника православных христиан — Пасхи. «Общепионерское собрание Петропавловска, заслушав доклад о крестовом походе папы Римского, категорически настаивает перед окрисполкомом о немедленной передаче Петропавловской церкви под культурный очаг. Передача должна быть сделана как можно скорее, чтобы празднование Пасхи не было проведено» [21].

Когда окончательное решение о закрытии было принято, «Полярная звезда» в заметке «Там, где гнусавил поп» ликовала: «В здании бывшей церкви развертывает свою работу клуб обороны страны, первый Камчатский Дом Обороны. По постановлению центральных органов советской власти ликвидирован оплот мракобесов. Незаконно занятое ими здание церкви передается горсовету, и последний уже передал здание под Дом Обороны» [22].

«Мотивировка» закрытия собора содержится в постановлении президиума Дальневосточного Крайисполкома от 13 декабря 1931 г.: «Принимая во внимание, что община верующих на протяжении ряда лет (1923, 1928, 1930 и 1931) не выполняла предложений технической комиссии о ремонте церковного здания, каковое содержится бесхозяйственно, систематически нарушая взятые обязательства по договору, а также и то, что группа верующих распалась, и договор не возобновлен верующими в законный срок на пользование церковным зданием и проведение соответствующего ремонта, — церковь в г. Петропавловске-на-Камчатке ликвидировать, а здание церкви разрешить использовать на культурные нужды города. Ликвидацию церкви произвести

с соблюдением правил, указанных в ст. ст. 37—40 декрета ВЦИК и СНК от 8 апреля 1931 г.».

Впоследствии здание собора неоднократно передавалось под различные городские учреждения. Согласно протоколу заседания комфракции ОИКа от 14 декабря 1931 г. оно должно было превратиться в музей Осоавиахима. Большой колокол перешел в пользование Управления безопасности кораблеводства «для установки на маяке, по оценочной стоимости» [23, л. 42].

Президиум Камчатского окрисполкома 28 декабря 1931 г. предложил горсовету «в соответствии с п. 39 декрета ВЦИК от 8 апреля 1931 г. создать для приема здания церковного имущества комиссию, здание церкви передать под музей и Дом обороны» [24, л. 32].

А уже 3 января 1932 г. президиум Камчатского крайисполкома решил: «Во изменение постановления ОИКа от 28 декабря передать временно [здание церкви] Окрсовету Осоавиахима под культурно-просветительские надобности. Одновременно предложить председателю Горсовета тов. Русакову под персональную ответственность подыскать помещение под музей» [24, л. 35].

В апреле 1933 г. облисполком передал здание клуба Осоавиахима с общежитием для приезжих под областной музей, но не прошло и 50 дней, как оно снова стало общежитием, на сей раз педагогического техникума. Только в июне 1933 г. помещение было освобождено, и музей перевез туда свои экспонаты. 2 июня 1934 г. горсовет решил предоставить здание бывшего собора Камчатскому областному отделению Далькиноотреста под кинотеатр [25, л. 49, 75].

В 1924—1926 гг. была передана под «общественные нужды» или уничтожена большая часть небольших сельских церквей и часовен. С 1928 по 1931 г. закрылись все большие храмы Камчатки. Последним стал Петропавловский собор. Отсутствие церквей облегчало антирелигиозную пропаганду, лишало верующих возможности объединения, сильно подрывало желание дальнейшего сопротивления антирелигиозной работе местных органов власти.

2. СОБЫТИЯ В ГИЖИГЕ

Гижига — небольшое селение на берегу Охотского моря в материковой части Камчатской области. Гижинский уезд преимущественно населяли коряки, тунгусы и чукчи. Из-за неразумных действий новых властей при советизации селения не обошлось без конфликтов с ними.

В декабре 1923 г. в Гижигу приехал уполномоченный ГПУ и ответственный организатор РКП Осипский. «В первые же дни по приезде настроил против себя красноармейцев, потребовал от Уревкома немедленно освободить для него квартиру, занимаемую попом, и последний был выдворен из нее зимой» [70, л. 68 об.]. В личном деле Осипский охарактеризован как человек «малоразвитый... усидчивый, надежный... и склонный к склокам».

В январе 1924 г. из Петропавловска прибыл Павел Гаврилович Охупкин. Его назначили в Гижигу председателем местного ревкома. Реализацию Декрета об отделении церкви от государства он поручил учителю Полищуку, недавно приехавшему с материка и знакомому с этим на практике. План был намечен такой: «Добиться в результате всеми легальными путями закрытия церкви, но сделать это, выполнив в точности все пункты инструкции... Жители при гуманном подходе, разъяснениями, без оскорбления религиозного чувства со стороны властей и тяжести материального содержания церкви вынуждены будут от церкви всё же в конце-концов отказываться» [70, л. 68 об.].

Но Осипский решает действовать по-другому: закрыть церковь, не добиваясь согласия населения. По закону, для реализации декрета необходимо было назначить комиссию. Она, хотя и была назначена уревкомом, но фактически действовала по указаниям Осипского, и с уревкомом была связана формально.

Осипский пригласил к себе в дом церковного старосту со списком верующих и, по свидетельству Охупкина, «нагнал на него такого холоду, что тот сейчас же отказался от церкви. Взяв от старосты список верующих, Осипский глубокомысленно и строго спрашивал первого: “Такой-то тоже верующий?.. Ага...”, — и записывал себе в книжечку, давая понять старосте, что всех записанных в списке ждёт что-то ужасное, а затем старосту отпускает» [70, л. 73]. Это не могло не произвести известного эффекта. Испуганный староста тут же рассказал верующим о своем визите к Осипскому. На другой же день, 22 мая 1924 г. 40 чел. просили вычеркнуть их из списка верующих. В постановлении собрания верующих местной церкви было записано: «После разъяснения комиссией декрета СНК об отделении церкви от государства, постановили: ввиду того, что религия в руках буржуазии служила орудием в одурманивании и отуманивании трудящихся масс, и, не желая свои трудовые крохи отдавать попу-дармоеду, постановили: выйти из союза верующих» [70, л. 73 об.]. Церковь решили передать под местную школу.

Далее необходимо было освободить «помещение церкви» от церковного имущества. Для этого комиссия вместе с Осипским берет с собой священника и церковного старосту и идет в церковь. Члены комиссии, по свидетельству очевидцев, вели себя в храме «ниже всякой критики». В маленьком селе слухи о том, что там происходило, доходят до председателя Охупкина. Полищук же, которого он вызывал к себе для разъяснений, отвечал, что все идет гладко. А на следующий день к Охупкину приходит священник (иеромонах Нифонт) и предоставляет заявление с просьбой проверить работу комиссии. Проверка, конечно, могла бы повредить, по мнению Осипского, делу, и он тут же просит предоставить ему заявление священника. Ослушаться Охупкин не имел никакого права. После этого по приказу Осипского священника арестовывают.

Председатель решается самостоятельно выяснить все обстоятельства дела и идет в церковь. «Придя в церковь, я увидел такую картину: иконы со стен были сняты и лежат в беспорядке на полу, облачение также. На мой вопрос: “Чем вызвана необходимость стаскивать со стен на пол иконы?”, — Полищук ответил, что так удобнее переписывать. Но я видел, что этого можно не делать. И вообще в церкви был полный хаос».

Все обстоятельства дела прояснились позже. 23 мая 1924 г. собрание учащихся гижигинской школы постановило, что ввиду того, что «наша школа тесна и требует капитального ремонта... ходатайствовать перед уревкомом об отпуске церковного здания под школу». Это и стало предлогом для закрытия церкви. Осуществлялось же оно так: «Передача церкви была санкционирована Зампредгубревкома Лариным на основании информации Осипского о добровольном якобы отказе жителей от церкви. По приезде Осипского и Понятаева были созваны жители с. Гижиги, Левчик и Крестовая, и приступлено было общими силами к переделке церкви под школу. Из церкви была вытащена церковная утварь, иконы и часть сожжены, частью сложены в сарай-склад. В церковь зашли в шапках. Работа шла весело, били кулаками по иконам, смеялись, шутили. Осипский и Понятаев подавали пример энергией, распорядительностью. Хотя церковь, по словам Осипского, и добровольно была отдана, и верующих в Гижиге не было, однако, все же опасались, что вдруг верующие обнаружатся, а потому Осипский взял на себя миссию наблюдать за тем, чтобы никто не зашибся, не повредил бы себе рук или ног при работе по переделке церкви, дабы лишить верующих повода говорить, что бог наказывает за кощунство».

А вот что рассказывал участник событий, уполномоченный Камчатского губревкома по Гижигинскому уезду Н. С. Понятаев: «В шапках в церковь заходили, в том числе и я, так как фактически и формально это здание уже не было церковью. В переделке церкви принимали участие все служащие и население, никакого ропота не наблюдалось, наоборот все радовались и даже наблюдались такие сцены — один местный житель, снимая иконостас, ударил кулаком по иконе и сказал: “Если ты Савва, накажи меня”. Среди присутствующих эта сцена вызвала гомерический хохот» [71].

Далее необходимо было решить, что делать со священником, чье заявление могло повредить Осипскому. Охапкин оказался весьма сообразительным руководителем и, прежде чем отдавать заявление о Нифонта о неправомочных деяниях комиссии Осипскому, сделал с него копию и передал в Уревком. Опасаясь наказания, комиссия во главе с Осипским решает тут же придумать удобный предлог для обвинения священника. Но вышло так, что обвинение ему предъявили только через неделю после ареста, причем такое, которому сложно было верить.

Как свидетельствует Охапкин, «обвинение это заключалось в следующем. Как рассказали мне члены комиссии, “во время приёма от попа и старосты церковного имущества, поп будто бы пошёл в алтарь, а за ним пошёл Осипский, и когда Осипский заходил в алтарь, то поп, будто бы попытался положить в карман серебряную дарохранильницу ценностью 5—10 рублей. Но Осипский подскочил, ударил попа по руке, дарохранильница из рук вылетела и кусочки хлеба — просфоры, которые, по словам попа, называются Телом Христовым, рассыпались, по престолу”».

Нелепость подобного обвинения доказывается самим председателем Охапкиным: «Поп, по словам населения, совершенный бессребреник, требы исполняет бесплатно, и не только население ему помогало, но наоборот, многим он помогал. Среди населения поп пользуется большой популярностью, не как поп, а как человек. У попа без всякой записи хранилось: церковные ценности, и взять их можно было, совершенно не рискуя за это в будущем отвечать, но, однако, ценности остались неприкасаемыми. Так, например, в точности девять лет с 1915 года в церкви лежало около 900 рублей золотом пятирублёвого достоинства... Не веря в правдивость рассказа, я заметил комиссии вскользь, что поп, вероятно, хотел взять кусочки хлеба, ибо для кого они являются святынями, а для нас они никакой ценности не имеют. Но, оставив эти кусочки здесь, поп будет думать или может быть говорить другим, что над оставшимися кусочками надругаются, а поэтому если он хотел их взять, то и нужно было бы ему их отдать» [70, л. 74—75].

Понимая всю опасность вмешательства в эти дела председателя, Осипский распускает по деревне слух о том, что будто бы Охапкин не то продал, не то передал попу «какие-то мощи». Но оказалось, что мощи были взяты самим Осипским и лежали у него в доме.

Но вопрос со священником по-прежнему оставался нерешённым. Дело в том, что о. Нифонт каждый год летом выезжал из Гижиги в Наяхан к тунгусам, где отправлял различные требы. Как это уже давно сложилось, тунгусы приехали за «своим батюшкой», как они его называли. Но поскольку он был под арестом, пришлось им уехать ни с чем. Казалось бы, кочевые тунгусы, дано привыкшие к своей языческой жизни, должны были отказаться от священника без серьезных возмущений, тем более, что не могли же они к нему сильно привязаться за то время, пока он исполнял в их стане все требы. Но, тем не менее, спустя некоторое время они приехали опять вместе с подписями оставшихся в тундре родственников и ходатайствовали отпустить священника в Наяхан хотя бы на несколько дней. Охапкин «советовал Осипскому как выйти из положения, и попа или отпустить, так как тунгусы не понимают никаких таких законов, а то, что не дали им попа, этим подорвали им доверие тунгусов. Но Осипский был непреклонен, тунгусы уехали, но скоро вернулись» [70, л. 76 об.]. И вернулись они вместе

с еще одной бумагой, в которой указывалось на отсутствие стеснений в религиозном вопросе на Колыме, и угрожали в случае отказа в их просьбе откочевать совсем в Колымский уезд.

Выслушав в Уревкоме просьбу тунгусов, председатель попросил зайти к нему Иосифа Иосифовича Осипского для обсуждения данного вопроса. Он «держался с тунгусами в присутствии меня и секретаря товарища Филимова довольно воинственно и, между прочим, без всякой надобности перекладывал из одного кармана в другой свой наган, по-видимому, желая показать, какой он страшный начальник...

Не придя в Уревкоме ни к какому заключению, Осипский тунгусов и меня пригласил к себе в канцелярию. Здесь Осипский сначала пытался раза два говорить тунгусам, весьма мало понимающим по-русски, читать лекцию о религиозном дурмане, и тунгусы, прослушав, регулярно задавали вопрос: “Так думай приятель, отпустишь батюшку-то, нет?” В заключении Осипский взбесился, стуча об стол кулаком, начал кричать (это подтверждает тунгус, живущий на Гарманде, который был в это время переводчиком): “Кто Вам писал бумагу, какое Вы имеете право угрожать мне, что Вы укочуете в Колыму, я Вам покажу, как нужно слушать начальство”, — угрожал он. Покричав-покричав, тунгусов отпустил. Тунгусы снова пришли в Уревком, обращаясь ко мне: “Ну, что будем делать, приятель, нам не велели приезжать без батьки”. А ярмарка уже должна была закрыться. Пятьдесят или больше тунгусов должны были укочевать, а они всё ожидают приезда попа, видя, что дело плохо, тем более кое-кому из жителей тунгусы по-приятельски говорили, что они батьку украдут, пришлось как-то дело улаживать.

Уговорил тунгусов взять с собою другого попа, которого они ни за что не хотели брать. Что он берёт дорого за требы, и что они любят только Нифонта, а что тем временем выяснится дело с Нифонтом, и что он приедет в Наяхан и сменит попа Сновидова». На этом стороны договорились.

После закрытия церкви церковное имущество находилось в распоряжении уполномоченного губревкома Понятева. При сдаче его вышестоящим инстанциям обнаружилось халатное к нему отношение. Как следует из отчета предревкома Пономарева, все было разбросано, нигде не учитывалось, «всякая выдача имущества во временное пользование сопровождалась списыванием имущества, книга изобиловала карандашными пометками, затемнявшими смысл и значение записей» [6, л. 67—68].

Более того, комиссия по отделению церкви от государства сожгла часть церковного имущества. Составила акт, не указав в нем, какое имущество сожгла, его род и количество. Сожжение было проведено демонстративно, что не могло не вызвать недовольства населения. В дальнейшем этот случай в отчетах Камчатского губбюро ВКП(б) оценивался как неправомерный, провоцирующий население и ожесточающий его отношение к советской власти.

Заведующий общим отделом уревкома Ковалевский, чтобы разрешить конфликт, пишет докладную записку в президиум Гижигинского уревкома о ненадлежащем хранении церковного имущества и о частичном его уничтожении (сожжении). Для разъяснения всех обстоятельств в Гижигу назначают председателем уревкома Пономарева. После проверки здание, незаконно отданное под школу, решили вернуть. Пономарев предписал сельревкомам собрать население в возрасте от 18 до 50 лет в местном клубе имени Ленина «с обязательной явкой». И 15 ноября 1925 г. «стараниями партийцев, комсомольцев и членов Уревкома была восстановлена православная церковь».

Осипский, возмущенный этим фактом, в гневном заявлении уполномоченному ДВКК описывает сцену, когда сам начальник милиции, член ВКП(б) Петров «сидел за столом, где записываются в верующие, подходил и записывался».

Насколько повлияла эта картина на присутствующих, видно из того, что верующие единодушно выдвинули председателем собрания верующих Уоторга РКП Пономарёва, но Ковалевский разочаровал их, заявив, что Пономарёв коммунист и неверующий. Пыл собравшихся охладился, и долгое время никто не соглашался занять место председателя собрания. Впоследствии Пономарёв исправил «ошибку» Ковалевского, заявив собранию, что никто не может доказать, что он неверующий, может быть, он дома молится и верует даже, и никто этого не знает и не может доказать.

«Эта тактическая речь Уоторга РКП, безусловно, очень замечательная в смысле искоренения дурмана религии, и собрание хором за ним повторяло “верно”, “правильно”, и таким образом население убедилось, что Пономарёв верующий. Ковалевский, в свою очередь, постарался так разъяснить декрет и убедить население, что это им обойдется не так дорого содержать церковь, если их много, всего по какому-нибудь рублю с человека, что население, несмотря на бедственное положение, постановило церковь взять» [72, л. 202—203].

Но позже, в том же 1925 г., церковь снова закрывают. В декабре 1925 г. в местном партийно-профсоюзном клубе обнаруживают 18 наименований вещей, ранее принадлежавших священникам и церкви (кресты, хоругви, ризы, епитрахили, кадило, Евангелие и прочие). Скорее всего, они использовались для антирелигиозных постановок.

3. АНТИПРАВОСЛАВНАЯ ПРОПАГАНДА

Антирелигиозная (а вернее — антиправославная) пропаганда сразу после прихода большевиков к власти становится их оружием в борьбе с «реакционными элементами». Она помогает большевикам выглядеть в глазах народа освободителями от многовекового «ига церкви» и одновременно разжигает

вражду к людям, заведомо неспособным стать на сторону новой власти (верующим, монахам, священникам). Уже с начала 1918 г. «Правда» рекламировала цветной сатирический журнал «Красный дьявол». Первый советский фильм (на сюжет стихотворения Демьяна Бедного о «чуде в Коломне») был антирелигиозным.

Антицерковной политикой в СССР непосредственно занимались несколько ведомств. С 1922 г. борьбу с церковью возглавляла Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) под председательством Е. Ярославского, секретарем ее был чекист Е. Тучков. Помимо организации репрессий против духовенства, комиссия руководила пропагандистскими кампаниями, устраивала антицерковные процессы, направляла комсомольцев на осквернение храмов, инсценировку шутовских богослужений и «судов над Богом».

О направлениях антирелигиозной и антицерковной деятельности свидетельствуют разделы, по которым различными службами составлялись отчеты о проделанной антирелигиозной работе для Политбюро в области:

- антирелигиозной пропаганды и агитации;
- борьбы «с церковной контрреволюцией»;
- урегулирования отношений между церковью и государством;
- разложения церкви (ставка делалась на ее раскол).

Основным органом агитации и пропаганды являлась печать.

Кроме задач «просветительского и воспитательного» характера, власть ставила и сугубо прагматические. Всем антирелигиозным мероприятиям (вскрытие мощей, изъятие ценностей, закрытие храмов) предшествовали пропагандистские компании в массовой печати.

На втором месте стояли различные пропагандистские акции. Частой практикой в начале 1920-х гг. являлись инициированные властью кощунственные комсомольские «пасхи» и «рождества». Они представляли собой некие театральные действия переодетых в священников безбожников. Эти действия освещались в прессе как «ростки нового коммунистического сознания». Газеты писали о сотнях и тысячах участвующих. Но, по мнению партийного руководства, эти кампании не достигли ожидаемого результата.

В отчете отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «Об антирелигиозной работе за период между XIII и XIV съездами» (то есть между маем 1924 г. и декабрем 1925 г.) говорилось: «“Комсомольские пасхи” и “комсомольские рождества” не сыграли и не могли сыграть сколько-нибудь положительной роли, так как проводились обычно неумело и только отталкивали верующих людей».

Резолюция XII съезда ВКП(б), прошедшего в 1923 г., предостерегала против оскорбления религиозных чувств «примитивными методами» осмеяния предметов культа и обрядов. Утверждалось, что такие приемы только «усиливают религиозный фанатизм». Вместо этого съезд призывал расширить публикацию антирелигиозной литературы научно-популярного характера,

а также больше сосредоточиться на аналитическом исследовании истоков и истории религии.

Еще одной ставкой правительства в деле борьбы с религией явилось стремление разложить ее изнутри. В результате обсуждения в Политбюро этого вопроса было принято решение о создании при поддержке ГПУ направленного на раскол церкви обновленческого движения («Живая церковь»). Первоначально оно поддерживалось государством. Закрывшиеся храмы передавали обновленческим священникам, их не подвергали репрессиям и т. д. Но, тем не менее, в докладах высших органов власти всегда подчеркивалось, что данные меры направлены не на создание лояльной церкви, а на ее скорейшее искоренение.

На Камчатке обновленчество не имело успеха, но методы антирелигиозной работы оставались теми же. Циркуляром Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) № 151 от 12 сентября 1923 г. № 839 органам власти на местах предписывалось: 1. «В плановой работе в первую очередь направлять усилия на поддержку соответствующих кадров, могущих вести антирелигиозную пропаганду, осуществляя это через организацию антирелигиозных кружков-семинарий [при] Губкомах... 3. Пропагандистов, могущих вести антирелигиозную пропаганду, взять на особый учет агитпропов... 6. Молодежь, как объект в антирелигиозной пропаганде, должна занимать особое место перед прочими возрастными группами населения. 7. Содержание текущей работы должно быть направлено в сторону разоблачения всех существующих внутри церкви течений, не беря под свою защиту покровительство представителей живой церкви и других групп» [26, л. 16].

Основными проводниками антирелигиозной пропаганды на Камчатке были: комсомольская организация, Союз безбожников и местная пресса. В 1923 г. антирелигиозной работой в Петропавловске руководил горрайком «через личное участие и свою инициативу». В 1923—1924 гг. он давал письменные указания ячейкам об антирелигиозной работе. «А, главным образом, в деревне антирелигиозной работой руководили учителя». В 1925—1926 гг. руководство со стороны окрбюро ВЛКСМ осуществлялось «только циркулярное, основное внимание которых уделялось устранению крикливости, имеющей место ранее» [27, л. 77].

Самые значительные мероприятия в рамках антирелигиозной деятельности на Камчатке проводили комсомольцы. В 1927 г., подводя итоги своей работы, Камчатское окрбюро ВЛКСМ поделило ее на три периода. На первых порах (1923—1925 гг.) была развернута критика «религиозных обрядностей и церковнослужителей». Второй период (1926 г.) характеризовался как «затишье антирелигиозной работы в ячейках, вызванное тем, что неправильный метод антирелигиозной работы первого периода породил обострение отношений с населением, что заставило ячейки отказаться от антирелигиозной

работы». Третий этап (с конца 1926 г.) расценивался как переходный к новым формам и методам антирелигиозной работы (создание естественно-научных кружков и ячеек безбожника) [27, л. 74]. Основная деятельность сосредотачивалась в руках организованного на Камчатке Союза безбожников.

Рассмотрим первый этап подробнее. 19 декабря 1923 г. члены Петропавловского горрайкома РКСМ собирались провести комсомольское «рождество» и для этих целей избрали комиссию, председателем которой назначили чекиста А. Доммана. 21 декабря комсомольская ячейка при школе второй ступени подготовила доклад о происхождении христианства. «26 декабря на городском собрании был сделан доклад о комсомольском рождестве. Участники проведения рождества говорят, что было допущено много резкостей» [27, л. 76].

В 1924 г. горрайком РКСМ разослал всем комсомольским ячейкам циркуляр, в котором, в частности, говорилось: «Еще по сию пору в сознании крестьянской молодежи наших сел и деревень сидит религиозный дурман, впитавшийся в их кровь с молоком матери... молодежь, вследствие своей оторванности от культурных центров, строго хранит традиции старины, поддерживаемые служителями церкви». В связи с этим, основная задача виделась в стремлении отвлечь молодежь от церкви. В рекомендациях по проведению антирелигиозной кампании содержится наставление: не гнаться за дешевыми выгодами, которые «только вооружают против организации фанатиков и отталкивают беспартийную молодежь» [28].

Материалы 1924 г. «гораздо полнее рисуют картину резкой и бестактной критики религии. 9 марта 1924 г. устраивался политсуд над попом. 20 марта состоялось собрание активных участников проведения комсомольской “пасхи”. 8 апреля утвержден горкомом порядок празднования “комсомольской пасхи”; 24 апреля — политсуд над религией, 26 апреля — торжественное заседание по случаю свержения “богов”, намечены были выступления... Домман — “Наука и религия несовместимы”, Одляницкий — “Праздник еврейской и христианской пасхи” и другие. Всего намечалось семь выступлений, в том числе “Миф о Христе” и “Религия в руках буржуазии превращается в оружие эксплуатации”. 27 апреля собирались выпустить живую антирелигиозную газету».

План осуществлялся так. В середине месяца появилось объявление, что на политсуд в качестве защитника приглашается «поп Леонтий» — иеромонах Леонтий (Яковлев) — настоятель Петропавловского собора. Из дневника секретаря ячейки РКСМ при школе второй ступени: «19 апреля ячейка Сорاپроса делала “чучело богородицы”. 24 апреля комсомольцы в 6 часов вечера были в нартеатре, где прошел политсуд над религией при огромном стечении публики. Публика разошлась как будто разочарованная, что она надеялась встретить не то» [27, л. 76].

Секретарь Камчатского губбюро РКСМ И. Мальков в секретном докладе писал: «Комсомольская пасха в 1924 году проведена с большим шумом (сжигание чучел попов около церкви, пение революционных песен во время богослужения и т. д.), но с чрезвычайно маленьким и даже вредным содержанием. Такой метод проведения антирелигиозных компаний только озлоблял верующих камчадал».

3 февраля 1924 г. на торжественном заседании горрайкома РКСМ двадцать комсомольцев сменили имена. Среди их новых имен значились: Марат, Безбожник, Интернационал, Идея, Коминтерн и другие.

В 1925 г. комсомольцы так же активно отметили «антирелигиозную пасху». Порядок ее проведения был следующий. 4 апреля общегородское собрание РКСМ с участием молодежи и граждан Петропавловска в театральном зале партпрофклуба имени «Товарища Нариман-Нариманова» планировало мероприятие «по антирелигиозным вопросам в связи с пасхой». С 15 по 22 апреля должна была состояться выставка антирелигиозной литературы при центральной библиотеке партпрофклуба, 18 апреля в шесть часов вечера — открытие и празднование антирелигиозной пасхи в театральном зале.

В программу празднования входили: «1) Доклад на тему “Значение комсомольской пасхи”, 2) “Ключ к разгадке” — антирелигиозная комедия в одном действии, 3) первая часть дивертисмента, хоровые и музыкальные номера, 4) антирелигиозные рассказы, басни, анекдоты, 5) “Пасхальное недоразумение” — антирелигиозная комедия в одном действии, 6) вторая часть дивертисмента, антирелигиозные частушки, декламации и спортивные номера. Игра. Продолжение дивертисмента. “Карманиолла”. Оркестр. Буфет и пр. пр. пр.

19 апреля в театральном зале в 18 часов открытый публичный антирелигиозный суд с участием духовенства живой и мертвой церкви. После окончания суда — дивертисмент. Буфет. Оркестр» [29, л. 28].

В комедии «Пасхальное недоразумение» православных христиан представлял «кулак» с его убеждением, что «без веры человеку и согрешить невозможно и радости покаяния нельзя ощутить». Кулаку поддакивала жена: «Правильно, батюшка мой, вот я весь год грешила, грешила, а теперь душа, ровно младенец, чиста. От всякой скверны очистилась». Хор комсомольцев пел на мотив красноармейской песни «Шинелька»:

*Мы без лишних разговоров,
Мы без лишних слов
Сбросим кучей в ящик с сором
Пресвятых богов.*

Народ-труженик в пьесе олицетворяли мужик и баба, певшие частушки на новый манер.

Мужик:

*В церковь больше не пойду,
Сказка больно старая.
Не поймаешь на уду
Больше пролетария.*

Баба:

*Звучит иное слово,
Жизнь борьбою вспенена.
Брошу сказочки боговы,
Возьму правду Ленина.*

На этом «Пасхальное недоразумение» завершалось.

До 1926 г. антирелигиозная пропаганда в городе проводилась, в основном, силами местной комсомольской организации, которая в качестве главного метода пропаганды выбрала проведение антирелигиозных кампаний, приуроченных к Рождеству и Пасхе. По-видимому, подобные мероприятия доставляли удовольствие самим комсомольцам, задорно включившимся в правительственную кампанию по уничтожению религии. Интересен тот факт, что при настойчивом обсуждении в прессе «алкогольного характера» религиозных праздников, некоторые из комсомольцев тоже не брезговали этой «народной традицией». В докладе о работе Петропавловской организации РКСМ в период с 1 марта по 1 мая 1925 г. значится: «...систематического пьянства среди комсомольцев не замечалось, но все же были случаи, когда это замечалось, но в минимальном размере... Особенно эти случаи были заметны на антирелигиозной пасхе» [28].

В «большом размере» антирелигиозная работа проводилась и в сельской местности, а формы и методы ее были тоже «грубы и неверны». Эта работа сводилась к тому, что комсомольцы занимались резкой критикой церковно-служителей, захватывали церкви под школы и клубы. Следствием этого являлось обострение отношений с населением. Так, «в Тигиле дело дошло до того, что в противовес комсомольской стенной газете, в которой помещался антирелигиозный материал, верующими стала выпускаться нелегальная газета, которая расклеивалась по столбцам и в которой всячески старались скомпрометировать комсомольцев». В 1923 г. Елизовская ячейка РКСМ по докладу об отделении церкви от государства выносит резолюцию: «Предложить верующим следить за попом, чтобы он не переходил границы в актах гражданского состояния (крещение, похороны и т. д.). Предложить верующим зарегистрировать церковную общину». Здесь со стороны комсомольской ячейки проявляется попытка командовать населением.

«В Усть-Камчатске комсомольская ячейка участвовала в отборе церкви под клуб, причем, при отборе было допущено целый ряд нетактичностей. Подобные факты можно найти и во многих других ячейках» [27, л. 76—77].

В мае 1925 г. комсомольская ячейка с. Коряки за подписью П. Слободчикова отправила заявление в губбюро РЛКСМ. В нем сообщалось, что в полночь 18 апреля комсомольцы хотели «устроить во время службы в с. Коряках факелы подле церкви», но гражданин Семен Дьяконов, выйдя из храма, сказал им: «Ежели б прихожане услышали комсомольское шествие, то казнили бы их на месте преступления». «Мы знаем, — говорилось в заявлении, — граждане стали бы стрелять в нас, и мы вполне уверены, что... во время встречи Христа салютами, они бы могли сделать из нас жертву».

22 апреля 1927 г., подводя итоги первых комсомольских антирелигиозных кампаний на Камчатке 1923—1925 гг., Камчатское окрбюро ВЛКСМ пришло к выводу: «Воспитательная антирелигиозная работа заключалась из трескучих фраз, а иногда и их похабщина (пение частушек комсомольцами похабных). Ясное дело, что такая антирелигиозная работа глубоко не задевала даже комсомольцев». Тем не менее, «в разрушении старых понятий, разоблачении ненужных совершенно учений» первое место оставалось за комсомольцами [28].

Но комсомол не был единственной организацией, вовлеченной в антирелигиозную работу. Этим занимались в школах, пионерских организациях, избах-читальнях, на занятиях кружков. Интересно, что в 1923 г. даже проведение недели помощи ребенку могло быть использовано как повод для антирелигиозной пропаганды. В циркуляре комиссии по улучшению жизни детей при Дальревкоме от 11 декабря 1923 г. значилось: «Проведение недели помощи ребенку является первым шагом по пути изменения христианской физиономии декабрьских праздников. Говоря о Рождественских праздниках, их переименовании и изменении христианского налета в существе празднования трудно придумать лучшую форму, чем “Праздник Детей” или “Детские Праздники” и более удобный предлог для изменения сущности, чем помощь беспризорному ребенку под лозунгами “Дети, имеющие дом, — бездомным”, “Дети сытые — детям голодным” и т. д. . .

Предлагаем провести вечером с 24 по 25 декабря, по возможности, во всех клубах “Красную елку” в пользу беспризорного ребенка. Через школы, коллективы служащих и т. п. следует привлечь, по возможности, больше детей с тем, чтобы последние сопровождались матерями, родственниками и т. д., чем будет достигнута двойная цель: отвлечение родителей и детей от традиционного празднования и помощь нуждающимся детям» [30, л. 32—32 об.].

Огромную роль в антирелигиозной пропаганде играли газетные публикации. В начале 1920-х гг. печатная агитация отличается таким же грубым высмеивающим тоном, как и комсомольская деятельность. Священника представляют в образе жадного, корыстного человека, ищущего везде, прежде всего, материальную выгоду, но безуспешно пытающегося скрыть «награбленное

добро» от советской власти. Появляются и фельетоны, в которых сам священник разуверивается в бытии Бога. Наиболее показателен в этом отношении рассказ «В поисках бога», напечатанный в «Полярной звезде». Основная мысль рассказа — слова о. Степана: «Я искал в священных книгах Бога... и нашел только один обман. А ведь они написаны по внушению Бога... Значит, и Бог — обман?» [31, с. 80].

В другой «сцене из духовной жизни» поп Никола разоблачает, но уже не религию, а сам себя, как тунеядца и нахлебника, признаваясь, что жил безбедно, «пользуясь темнотой и невежеством прихожан», за счет их «пожертвований и подношений».

Внешний облик священнослужителя — словесный и наглядный (в рисунках и карикатурах, сопровождающих фельетоны, статьи и заметки) практически неизменен и повторяется из номера в номер. Как правило, изображается человек средних лет тучного телосложения («пожилой, полный муж»), в черной рясе с массивным крестом на груди, с длинными неопрятными волосами («куцая грива»), при этом иногда он награждается такими уничижительными характеристиками как «робкий голосишко», или именуется «попишко бледнолицый» [31, с. 80].

В качестве результатов пропаганды до 1927 г. на первый план ставилось количество закрытых церквей и часовен, что подтверждают отчеты Далькрайкому ВКП(б). Но только после неоднократного циркулярного напоминания со стороны Дальбюро ЦК о недопустимости «принудительного закрытия церквей» и провоцирующих антирелигиозных кампаний характер антирелигиозной работы начал меняться.

В 1926 г. наблюдается некое затишье. Состоялся только один антирелигиозный вечер в ночь под Рождество, но былой резкости он уже не имел. К 1926 г. тон газетных публикаций также становится более сдержанным. Тем не менее, в печати священники по-прежнему назывались «контрой» и представлялись «промонархической силой», но теперь уже не в стихотворных фельетонах и кричащих антирелигиозных заметках, а в статьях, пространно объясняющих несостоятельность «религиозного мировоззрения».

Что касается камчатских селений, то здесь пропаганда продолжала вестись через комсомольские ячейки, избы-читальни и кружки естествознания. Циркуляром от 2 августа 1926 г. всем ячейкам ВКП(б) на зимний период определялись следующие задачи: «Проводя антирелигиозную пропаганду, не увлекаться, не обострять отношения на этой почве с верующими, а лучше организовать кружок естествознания, куда, по возможности, привлечь учителей и проводить эту работу через кружок. Во всяком случае, и здесь нужно избегать крикливых фраз по адресу религии и бога. Этот вопрос долгой и кропотливой работы, поэтому и гнаться за быстрыми результатами не нужно» [32, л. 66 об.].

В качестве результата сильного пропагандистского натиска начала 1920-х гг. и последующего небольшого отката в антирелигиозной пропаганде стало заметное оживление религиозных общин. В сентябре 1926 г. секретарь Дальбюро ЦК ВКП(б) Кубяк писал: «Нынешним летом на Камчатку “заброшено” порядочное количество священников, которые ведут интенсивную “работу”. В населении эта “братия” встречает довольно дружное сочувствие.

Я объясняю это явление форсированием антирелигиозной пропаганды по округу. Методами, на материке давно забракованными, как не достигшими цели, а действующих как раз в обратном направлении. Вывод этот я делаю из следующих фактов: 1. “Антирелигиозниками” были по преимуществу работники ГПУ. 2. Стенные газеты пестрят сплошь антипоповской вульгарной писаниной. 3. Спектакли в деревнях топорно-антирелигиозного характера превалируют. Эпидемия на закрытие церквей и превращение их в избы-читальни...» [3, л. 12].

27—29 апреля 1926 г. в Москве состоялось первое организованное ЦК ВКП(б) совещание по антирелигиозной пропаганде с участием ответственных работников ЦК партии, членов Антирелигиозной комиссии ЦК, представителей Главполитпросвета, ЦК ВЛКСМ, Центрального совета Союза безбожников, центральных издательств, видных пропагандистов Москвы и партийных работников из разных регионов страны. На нем были определены «содержание, формы и методы пропаганды атеизма в условиях социалистического строительства». Решения совещания утвердил Секретариат ЦК ВКП(б).

Совещание определило направления, по которым должна осуществляться критика религии: 1) разоблачение классово-идеологической сущности религиозной идеологии, 2) разоблачение антинаучного характера религии путем материалистического объяснения законов природы и общества, 3) критика религиозной морали, 4) разоблачение попыток церковников и сектантов приспособиться к условиям строительства социализма.

В резолюции совещания обращалось внимание на недопустимость применения административных мер в борьбе с религией. Для проведения антирелигиозной пропаганды рекомендовалось использовать разнообразные формы клубной массовой работы, работы библиотек, красных уголков, изб-читален и т. д. Обращалось внимание на необходимость открытия антирелигиозных музеев, широкое использование в лекциях диапозитивов, учебных пособий, на подготовку антирелигиозного репертуара для театров. Антирождественские и антипасхальные кампании при этом не отменялись, они даже получили «вторую жизнь». Рекомендации по их проведению печатались в «Правде».

В соответствии с ними, в 1927 г. Камчатский окружком ВКП(б) разрабатывает план: «В будущем антирелигиозная работа должна пойти по линии орга-

низации естественно-научных и кружков “безбожников”, на первых порах на местах, где имеются для этого соответствующие силы. 1. Поставить вопрос на АПО (агитационно-пропагандистский отдел. — *Е. Г.*) партбюро об объединении кружков “безбожников” в союз безбожников. 2. Считать необходимым по линии политпросвета снабжение изб-читален необходимой антирелигиозной литературой. 3. АПО разработать указания ячейкам об антирелигиозной пропаганде» [27, л. 74].

Данная программа осуществляется с созданием Союза безбожников.

Временный окружной совет Союза безбожников (СБ) организован 17 июня 1927 г. Его председателем назначен Григорьев, в состав входили Мариманов, П. Т. Новограбленов, Панов, Н. П. Фролов. Состав совета переизбран 20 октября 1927 г. Теперь председателем становится И. Ф. Голованов, секретарем — Соловьев. Членами остаются Новограбленов, Мариманов, Фролов. Только после этого начинается настоящая работа совета, в план которой с октября 1927 г. по январь 1928 г. входило:

- «1. Связаться с крайсоветом СБ (Голованов).
2. Наметить сеть ячеек по городу (Фролов, Мариманов).
3. Написать в газету “Полярная звезда” статью о начале работы Окрсвета (Новограбленов).
4. Провести организацию ячеек СБ в городе (Фролов, Мариманов, Новограбленов).
5. Послать указания на места о порядке организации кружков естествознания (Голованов, Соловьев).
6. В округе учесть имеющуюся литературу в АПО Окрбюро ВКП(б) по безбожным вопросам и разослать часть ее по сельским и городским ячейкам (Соловьев).
7. Провести работу по выявлению безбожного актива для организации из его среды антирелигиозного семинария (Фролов, Новограбленов).
8. Составить программу семинария, взяв за основу ту, которая опубликована в № 10 журнала “Антирелигиозник” (Мариманов).
9. Дать директиву городским и сельским ячейкам СБ о подписке на безбожную литературу (газеты и журналы) (Голованов, Соловьев).
10. Сделать заказ на высылку 200 штук членских билетов.
11. Совместно с ОКРОНО дать директиву об участии учительства в антирелигиозной работе (Фролов, Новограбленов и зав. ОКРОНО).
12. Составить список литературы для городских и сельских ячеек (Голованов, Соловьев).
13. Совместно с Окрбюро ВКП(б) и ВЛКСМ дать ячейкам директиву об участии последних в антирелигиозной работе (Голованов, Фролов).
14. Составить план работ Окрсвета СБ на январь-март 1928 г. (Голованов, Соловьев)» [33, л. 61].

Как выполнялся этот план, можно проследить по публикациям в местной печати. 1 января 1928 г. «Полярная звезда» сообщала: «При клубе ССТС был организован уголок безбожника, выпущен один номер стенгазеты, но летние настроения ячейку пораспустили. Уже созданы ячейки при ОкрФО, Погранотряде и школе. Организационные собрания намечаются на последние числа декабря, чтобы с нового 1929 года существовали и вели плановую работу» [34].

В другой статье подробно описываются цели и задачи новой организации. «24 января состоялось первое организационное собрание записавшихся товарищей в Союз Безбожника. На собрании присутствовало 10 человек. Рассмотрели устав союза, произвели выбор бюро ячейки и ревкомиссии. Первая ячейка СБ организована с числом членов 24 человека и 30 января утверждена Окрсоветом, как первая горячая, которая будет работать при рабочем клубе, объединяя всех безбожников. План работ должен строиться с учетом возможностей его выполнения и большая часть в нем должна быть уделена агитационно-пропагандистской работе. Внутренняя работа ячейки должна быть построена на самоподготовке, то есть каждый безбожник должен читать газету “Безбожник” и журнал “Антирелигиозник” и другие антирелигиозные книги, а также должен состоять подписчиком на эти издания.

Для углубления внутренней работы, ячейке необходимо приступить к выявлению подготовленности членской массы с целью организации кружков естествознания, работа которых будет проводиться по программе, выработанной Окрсоветом СБ.

Каждый член СБ должен вести работу по индивидуальной обработке верующих, для чего необходимо, в первую очередь, всю работу проводить в клубе открыто, вовлекать в нее еще не состоящих в СБ товарищей, нужно сделать так, чтобы верующий сам шел в клуб на занятия безбожников.

Массовая работа ячейки должна заключаться в устройстве уголков безбожника. В наших условиях это сделать можно при рабочем клубе, лишь необходимо иметь договоренность с правлением.

Агитация за новый безрелигиозный быт является тоже видом массовой работы и ее в наших условиях нужно принять, как основную.

В шефской работе ячейки должны также принимать участие, путем снабжения подшефной деревни литературой по безбожным вопросам и, если будет возможно, делать выезды туда с целью выяснения возможностей создания кружков естествознания, а впоследствии и ячеек» [35].

В октябре 1928 г. были проведены первые итоги работы СБ. «На одном из заседаний Агитпропколлегии Окрбюро ВКП(б) был заслушан доклад о работе Окрусного Совета СБ почти за год его существования. За год работы СБ на Камчатке не мог даже оформиться организованно, но все-таки кое что в этой области им проделано. Заседание отметило, что антирелигиозная работа с момента создания СБ носила организационный характер, разворачивается

очень медленно. Коллегия Партийного Бюро дала ряд указаний. Причины сводятся, во-первых, к недостаточному вниманию работы СБ со стороны партийных и комсомольских ячеек, текучести состава Совета и неудачному подбору его в смысле работоспособности и желанию работать, перегруженности тех товарищей, кто желает работать в Совете.

В будущем необходимо с недостатками покончить и добиться развертывания сети ячеек, как в городе, так и в деревне и наладить плановую работу ячеек по воспитанию своих членов и вербовке новых в свои ряды. Окросвет, составляя план работ на зимний период, в основу взял предложения по его докладу на Агитколлегии. Расчет, чтобы к Рождественской компании СБ в городе имел не менее трех ячеек, уже вполне оформившихся. Предусмотрен вопрос относительно организации антирелигиозного семинария и включения в программы школ политграммоты пониженного типа несколько вопросов по безбожии» [36].

С конца 1928 г. проводится усиленная работа по организации ячеек СБ в различных селениях Камчатской области и при значительных организациях Петропавловска. «Окрфинотдел имеет ячейку Безбожника. В конце ноября 1928 г. сотрудниками ОкрФО была организована ячейка Безбожника, которая насчитывает 9 человек. Избран секретарь ячейки тов. Сковородько, по инициативе которого при Красном уголке ОкрФО создан уголок Безбожника, имеется небольшая библиотечка по основным вопросам, в уголке стенная краевая газета, лозунги по подписке на антирелигиозные издания. Уголок ставит своей задачей обслуживание членов коллектива по всем вопросам антирелигиозного порядка путем устройства бесед и вечеров ответов и вопросов» [37].

Большая работа была проведена в преддверие большого религиозного праздника Рождества Христова в 1928 г. Подготовку начали уже в сентябре — 30 числа всем избачам и учителям Камчатского округа была разослана рекомендация о том, что до 15 декабря в селах должны быть организованы ячейки СБ «в связи с XV съездом партии об антирелигиозной пропаганде Окросветом Союза Безбожников» [38, л. 8].

Упор делался на призыв к организации в селениях ячеек СБ, а также в школах и других организациях.

Нужно сказать, что далеко не все селения соглашались организовать у себя ячейки безбожников. Часто это оказывалось слишком сложным и ненужным. Например, в марте 1929 г. соболевская изба-читальня сообщила ОкрОНО: «Вопрос о проведении этой работы был поставлен на заседании культурно-просветительской секции, которая решила ячейку безбожников не организовывать, так как острой надобности в этом не ощущается, а организовать естественно-научный кружок» [38, л. 73].

В городе тоже не всем было понятно, для чего проводится данная работа. «На заседании окросвета Воинствующих Безбожников обсуждались резуль-

таты обследования ячейки СББ при коллективе АКО, был приглашен представитель партийной ячейки АКО. Он настойчиво утверждал, что АКО эту работу проводить незачем, потому что все неверующие и незачем заниматься пустыми разговорами» [39].

С конца 1928 г. СБ проникает в школы. «В начале декабря по инициативе ОССБ, с участием комсомольской школьной ячейки при девятилетке создана Ячейка Союза Безбожника. Записалось 26 человек, большинство комсомольцев... Сейчас ячейка оформлена и организована, в ней 42 человека. Совместно с комсомольской ячейкой в присутствии преподавателей ячейкой Безбожника намечен был план проведения Рождественской компании, предусматривающий открытие уголка, выпуск стенгазеты и постановку докладов» [37].

К апрелю 1929 г. организация СБ на Камчатке насчитывала 150 чел., пять городских и две сельские ячейки. К 1931 г. планировалось развернуть большую сеть ячеек, «больше, чем сейчас молитвенных домов» [20].

Следующей значительной акцией СБ стала организация мощной волны агитации, приуроченной к Пасхе. Задачи здесь ставились следующие: «Увеличение сети ячеек, увеличение количества и качества состава членов СБ, выявление безбожного актива, усиление культурно-массовой работы и работы по распространению периодических изданий ЦССБ СССР» [20].

Городские ячейки СБ к работе приступили с первых чисел апреля. С первых же дней работы развернулась компания по подписке на периодические издания, по вербовке новых членов, о чем свидетельствует план работы ячейки при АКО и других организациях. В этом году антипасхальная кампания в плановом порядке в городе проводилась в первый раз. Ее лозунгами стали: «Порвал с религией — вступай в Союз безбожников», «Вместо церкви в пасхальные дни иди в клуб и библиотеку» [20].

Время от времени в «Полярной звезде» печатались отчеты о деятельности ячеек СБ, действовавших на разных предприятиях города. «С 1 января 1929 г. ячейка СБ была создана в погранотряде, избрано бюро ячейки, ревизионная комиссия, приступили к работе. Было проведено два собрания, два заседания, 12 бесед. На последнем заседании был прослушан отчет секретаря ячейки СБ т. Жужгова (красноармеец). В прениях выступили ряд товарищей красноармейцев, указавших, что работа велась недостаточно хорошо. В результате постановили работу признать недостаточной. На этом же собрании был принят план на первую половину мая. В план вошло: добиться стопроцентного вовлечения (сейчас 65 %), провести в ячейке беседу “Праздник пролетарский и христианский”, провести с женщинами отряда — “Религия и быт”, принять участие в комбинированной встрече и ряд других. На собраниях обычно присутствуют все члены ячейки с большим притоком беспартийных. Занятия проводились тов. Миромановым на различные темы по естествознанию. В среднем, по каждой беседе было по 10—12 вопросов. Посещаемость 85—95 %.

Недочеты — ревкомиссия еще не ревизионировала деятельность ячейки, некоторые члены недостаточно активно проводят идею СБ. Отсутствие литературы и читок» [19].

Приблизительно так же обстояли дела и в других ячейках СБ.

В течение 1929—1930 гг. проводится активная кампания по вовлечению граждан в СБ и в селах Камчатского округа. Так, в Елизово «во второй половине апреля было приступлено к записи в члены СБ. Запись производил учитель. В Пасху, 5 мая, в избе читальне была поставлена антирелигиозная пьеса “Тайна исповеди”. На спектакль народу пришло порядочно. Перед пьесой сделан был доклад на тему: “Происхождение праздника Пасхи и веры в бога”. А в стенной газете, выпущенной к 1 мая, были помещены антирелигиозные статьи, 7 мая на организационном общем собрании записавшихся в члены СБ, которые к 15 мая на второе общее собрание представило план работы ячейки СБ» [40].

В апреле 1930 г. антирелигиозная пропаганда достигла своего пика. Развернулось «социалистическое соревнование» по вовлечению населения в организацию СБ. «Ячейка СБ при коллективе административного отдела вызывает на социалистическое соревнование ячейки безбожников при коллективах связи, ОИКа, АКО, медикосантруд, строителей, транспорта, райкомвода, просвещенцев, совхоза и ОКРФО. Условия выполнения соревнования: стопроцентное вовлечение членов коллектива и их семей в СБ и ряд других пунктов» [39].

Но партийные органы все же были недовольны проводившейся работой. В директиве «Всем райбюро и ячейкам ВКП(б) об антирелигиозной пропаганде» Камчатского окрбюро ВКП(б) от 13 сентября 1929 г. говорилось о необходимости «решительного наступления на антирелигиозном фронте по линии всех организаций (профсоюзы, школы, избы-читальни, комсомол и т. п.)... Имеются факты использования общественного леса для постройки здания попу (с. Мильково), и в данном случае мильковская партячейка и сельсовет не приняли необходимых мер для борьбы с кулацко-поповским влиянием. Возможно, такие же факты имеются и в других селах. Существующие ячейки СБ массовую и воспитательную работу как внутри ячеек, так и среди населения ведут слабо, систематическая плановая антирелигиозная работа ячейками СБ почти не ведется. До сих пор работа проводилась только в период антирелигиозных компаний (пасхальной и рождественской). Количество партийцев и комсомола, вовлеченных в СБ совершенно незначительно, также чрезвычайно незначителен охват членством СБ и беспартийных».

В директиве также говорится о необходимости создать «беспартийный актив безбожников из учителей, избачей, фельдшеров, кооперативных работников и т. д.; антирелигиозная работа должна проводиться в клубах, красных уголках, избах-читальнях» [41, л. 179—180].

В январе 1931 г. организован временный окружной совет СБ в составе 15 чел. и двух кандидатов. В президиум совета избраны Бучель, Емельянов и Васильева. 5—7 января в клубе совторгслужащих проводились художественные постановки и кино с докладом об очередных задачах СБ [42].

15 ноября 1931 г. состоялись очередные перевыборы в окружной Совет СБ. Его председателем стал Куницын, в состав Совета вошли Борисевич, Д. Е. Железнов, Лавренков, Павленко.

В последующие годы деятельность СБ в городе затухает, но в отдаленных районах по-прежнему создаются его ячейки. Так, в Алеутском районе в 1932 г. зарегистрировалась ячейка с 27 членами [43, л. 4].

В 1932 г. агитационно-пропагандистский отдел (АПО) направил директиву райкомам и ячейкам ВКП(б) Петропавловска. В ней идет речь о недостаточном внимании к работе ячеек СБ и вопросам антирелигиозной пропаганды. Выдвигается требование организовать ячейки СБ там, где их еще нет, выделить и прикрепить комсомольцев, которые отвечали бы за свою деятельность перед партией.

8 марта 1932 г. обком ВКП(б) объявил: «с 20 марта по 10 апреля будет проходить двухнедельный сбор средств на подводную лодку “Воинствующий безбожник”» [44, л. 88].

В 1934 г. областной совет СБ вновь переизбран. Теперь в нем насчитывается 25 членов. Председателем назначен Дубровин, членами — Акшинский (журналист), Кокурин (облсовет профсоюзов), Куницын (Совпартшкола), Седовой (ОблОНО).

Деятельность СБ после 1931 г. проявляется незначительно, крупные антирелигиозные мероприятия проходят редко, все они обычно приурочены к Рождеству или Пасхе. Состав Совета СБ постоянно меняется, но качественных изменений в нем не происходит. Основными причинами этого являются занятость членов Совета на других должностях и отсутствие острой необходимости в антирелигиозной пропаганде.

После создания СБ на Камчатке комсомол не прекратил своей антирелигиозной работы. Несмотря на то, что XV съезд ВКП(б) настаивал на решительном наступлении на антирелигиозном фронте по линии всех организаций (профсоюзы, комсомол, школы, избы-читальни и т. п.), в 1929 г. АПО отметил: «антирелигиозная работа развернута слабо, и, как общее явление, партийные ячейки в антирелигиозной работе участия не принимают... Между тем имеются данные, характеризующие усиление влияния религиозных организаций на массы населения...»

Антирелигиозная работа не может и не должна проводиться только силами партийцев и комсомольцев, в интересах развития антирелигиозной работы ячейкам необходимо создать беспартийный актив безбожников из учителей, избачей, фельдшеров, кооператоров и т. д. Антирелигиозная

работа должна получить широкое развертывание вокруг изб-читален в деревне, Клуба и Красных уголков в городе...»

Комсомол призывают расширить антирелигиозную деятельность. Резолюция Первой камчатской окружной конференции ВКП(б), проходившей 10—15 января 1930 г., настаивала на проведении комсомольцами антирелигиозных кампаний не только на Рождество и Пасху, но и в другое время. Также рекомендовалось «в комсомоле провести решительную борьбу со случаями проявления религиозных настроений, мобилизуя комсомольцев на борьбу с религией как попыткам классового врага влиять на молодежь и разъяснять классовую сущность религии» [44, л. 129—130].

С конца 1928 г. антирелигиозная пропаганда приобретает иной характер и в прессе. Открыто стал звучать тезис: церковь — это классовый враг. Религия прямо противопоставляется социализму. Звучат лозунги типа: «Разрушай религию, строй социализм». В «Полярной звезде» в декабре 1928 г., как призыв к «войне за эксплуататоров», выставляются слова из Евангелия: «Не мир пришел я принести, но меч» [45]. В конце 1920-х гг. раздаются призывы перейти к окончательному наступлению на религию, чтобы «отправить ее на свалку истории». Роль местной прессы в формировании атеистического мировоззрения, в проведении антирелигиозной пропаганды была особенно значительна, поскольку на Камчатку, в силу ее удаленности от центра, атеистическая литература практически не поступала, как и центральная периодическая печать антирелигиозного характера (газета «Безбожник» и одноименный журнал). Основной упор делался на разъяснение «темноты» и «реакционности» религии.

Основная пропагандистская деятельность была все же сосредоточена на двух основных христианских праздниках Рождестве и Пасхе. К этим дням приурочивались всевозможные акции. В канун Рождества в школах устраивали антирелигиозные вечера. В основном организацией подобных мероприятий занимались люди, входящие в организацию СБ. Подобный вечер проходил 6 января 1929 г. «Программа: 1) Лекция тов. Корниенко “Миф о рождестве”. 2) Пьеса “Торговый дом бог-отец, бог-сын и компания”. 3) Частушки на антирелигиозную тему. 4) Балет и русский танец. 5) Дивертисмент» [46].

На Пасху в Петропавловской школе также состоялся антирелигиозный вечер. О нем сообщалось: «Помещение школы тесно и, конечно, не вместит не только всех желающих присутствовать на вечере, но и половину учащихся. Необходимо общественным организациям и родителям серьезно подумать над вопросом организации специального детского клуба» [41].

Значение праздников принижалось тем, что их представляли как повод к выпивке. Этим, якобы, подрывалась экономика. Газета так и писала: «8 января в селе Колпаково с самого утра замечен стал “великий” праздник алкоголя — Рождество» [47].

Несмотря на предупреждения Дальревкома, примитивные методы в деле антирелигиозной пропаганды не исчезли. Основные ее направления прослеживались в открытом письме «учителям, избачам и всем культурным работникам об антирелигиозной работе на селе»: «...больших трудностей в борьбе не встретится... Задача ближайших дней: ни одной церкви и часовни, не превращенной в избучитальню или школу. Материала для агитации много. Не мешает напомнить, как попы раньше расправлялись с камчадалами. Эти инквизиторы, пьяные и распутные, были настолько жестоки, что даже свирепые завоеватели казаки иногда восставали и убивали попов».

«Полярная звезда» сообщала: «После закрытия церкви в с. Мильково стало легче работать. Некоторые крестьяне вскоре подали заявление о приеме их в партию. В клубе в бывшей церкви открыли ликпункт (пункт ликвидации неграмотности. — *Ред.*), и там, где раньше дурманили людей, наши крестьяне услышали разумное слово» [48].

В качестве «разумных» доводов необходимости искоренения религии в печати приводилось следующее:

1. Вера камчадал неглубока, насажена «сверху» империалистами. Печатались подобного рода рассказы: «Верующий старик по просьбе учительницы охотно уступил для антирелигиозного спектакля свои иконы. На утро говорит: “Целую ночь не мог заснуть, уж как-то страшно без икон”» [49].

2. Религия поддерживала неравенство классового общества. Из факта существования в христианстве постов выводилась соответствующая логическая цепочка: «Пост позволял экономить продукты питания, следовательно, уменьшался уровень заработной платы рабочим, следовательно, религия поддерживала неравенство классового общества» [19].

3. Пасха — языческий праздник.

4. К концу 1920-х гг. верующих в России и на Камчатке стало очень мало, следовательно, им не нужно занимать «помещения церквей». «Долой поповский дурман. Антирелигиозный вечер в клубе прошел при переполненном зале и затянулся до трех часов. Многие желающие участвовать на вечере не могли поместиться в зале и стояли в передней и фойе. Вопрос с постройкой нового клуба дальше затягивать невозможно. В то же время Петропавловская церковь, которая вмещает свыше 300 человек, в день “Пасхи” была почти пустая. Нашему союзу надо острее ставить вопрос о передаче...» [41].

5. Многие бывшие верующие отказались от своих убеждений и сейчас собираются вступить в комсомол или партию.

Подобная пропаганда отличалась прямолинейностью взглядов, бездоказательностью выводов, малограмотностью, но для необразованного камчатского населения подобные статьи выглядели как откровение о, якобы,

коммерческих целях существования церкви, долго скрываемых царским правительством.

Еще одним немаловажным пунктом антирелигиозной пропаганды являлась пропаганда в школах. Первоначально при отмене преподавания Закона Божьего, при явной антирелигиозной настроенности учителей, в некоторых школах возникали конфликты. Часть учащихся просто переставала туда ходить. Но подобные меры были неэффективны. Бросить школу — означало лишиться будущего. А под влиянием авторитета учителей дети очень быстро воспринимали насаждаемые идеи. 19 июля 1924 г. заведующий Большерецкой школой Левкин сообщал Камчатскому ГубОНО: «Школа вначале встречала некоторые препятствия со стороны населения, даже лучше, Госучреждение как Почтово-телеграфное отделение не убирало икону в течение трех месяцев. Эта косность отчасти бросалась повсюду, и только явным врагом оказалась школа, работа которой осуществлялась вплоть до дисциплинарных внушений. Учащиеся — это зеркало общественных настроений. Они сами давали хорошие темы для антирелигиозных бесед. Они же оказались скорыми проводниками школы для борьбы с существующими общественными возражениями. К концу школьных занятий, религиозности среди учащихся не наблюдалось, разве за исключением двух, которые проживали среди семьи религиозных» [50, л. 229].

Из протокола заседания президиума окрисполкома от 9 февраля 1932 г.: «Организовать... комиссию по решению религиозных вопросов (председатель Русаков): а) возложить наблюдение за правильным проведением на местах законов, связанных с культурами, инструктирование нижестоящих организаций, б) предварительное расследование по представлениям РИКов и Горсоветов дел об открытии и закрытии молитвенных зданий, в) рассмотрение вопросов о разрешении религиозных съездов в пределах округа, г) рассмотрение вопросов о пользовании религиозными объединениями печатями и штампами, д) предварительное рассмотрение жалоб на действия РИКов и Горсовета по вопросам, связанным с культурами, е) учет религиозных обществ и групп в округе и составление сводок» [24, л. 56].

Из приведенного выше можно сделать вывод о всестороннем наступлении на религию. Несмотря на все недостатки и грубости в проведении антирелигиозной пропаганды, она добилась желаемого результата. Верующих людей стало меньше, те же, кто продолжал верить, старались держать это в секрете. Во многих населенных пунктах создавалась атмосфера ужаса перед антирелигиозным прессом советского государства. Антирелигиозная работа проходила на всех уровнях: в школе — через учителей, в комсомоле, на предприятиях — через многочисленные кружки СБ, в прессе — через разоблачающие статьи, в партии — через вовлечение в СБ, в некоторых общественных организациях — через содействие антирелигиозной пропаганде.

4. СВЯЩЕННИКИ И ПРИХОЖАНЕ

Для того, чтобы понять, как менялось положение Русской Православной Церкви на Камчатке с приходом советской власти, нельзя обойтись без того, чтобы не показать приходскую жизнь до 1923 г.

По свидетельству инженера П. П. Крынина, в 1909 г. проводившего на полуострове рекогносцировочное исследование рек, «все камчадалы — православные христиане. Почти в каждом селении построены трудами камчадал часовни, в некоторых же селениях имеются церкви, поддержание коих в должном благолепии составляет одну из главных добровольных забот камчадалов. Население полуострова очень религиозно, посещая храмы, исполняя все требы церкви, внося установленную ругу и т. д., но по своей крайней неразвитости ума и чувств, по своей общей некультурности, отношение их к религии заключается в простом выполнении как бы традиционно установившихся требований церкви — повинностей».

Кроме крайней неразвитости, П. П. Крынин называет неграмотность местного населения как одну из самых важных причин, препятствующих успешному просвещению и миссионерской деятельности. По нему почти все местные жители, за исключением мещан и казаков, поголовно неграмотны, на севере никаких учебных заведений нет. (Согласно имеющимся данным, в 1917 г. на севере действовали до двадцати школ из шестидесяти четырех, работавших в области. — *Ред.* [ЦДНИКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 50].)

Деятельность камчатских миссионеров и, прежде всего, иеромонаха, впоследствии епископа Нестора (Анисимова) в начале XX в. принесла свои плоды. Одним из самых значительных предприятий, организованных Нестором, было образование Камчатского братства во имя Всемилостивого Спаса, которое открылось 14 сентября 1910 г. во Владивостоке. Согласно уставу братства во всех его филиалах проводился энергичный сбор финансовых средств путем распространения орденских знаков трех степеней. При этом с не меньшей энергией шел сбор школьных принадлежностей, церковной утвари, походных аптек, одежды и прочего. Вскоре на полуострове удалось выстроить семь новых церквей и открыть восемь школ, а также создать приют для детей кочевников. В феврале 1914 г. на Камчатке в с. Иоасафовском прошел миссионерский съезд. Здесь миссионеры говорили о многочисленных трудностях своего служения, обменивались впечатлениями о духовном состоянии народов полуострова, строили планы на будущее.

К 1916 г. Камчатская область насчитывала 35 церквей, 38 часовен со святыми престолами и 42 школы. В октябре 1916 г. Камчатка получила своего первого епископа — им и стал учредитель Камчатского братства иеромонах Нестор.

Таким образом, к 1920-м гг. миссионерам удалось только начать активно действовать на полуострове. Многие представители коренного населения

имели весьма поверхностное представление о православии. Его воцерковлению мешала и частая смена священнослужителей (особенно это касалось северных районов полуострова, где климатические условия не позволяли им оставаться надолго). Тем не менее, нельзя не отметить хорошую организацию духовной жизни в таких больших камчатских селах, как Мильково, Ключи, Нижнекамчатск. Там были большие церкви и постоянные священнослужители. Но многое камчатским миссионерам только предстояло сделать. События 1917 г. прервали этот процесс.

Как только на полуострове утвердилась советская власть, новая администрация приступила к реализации декрета об отделении церкви от государства. Религиозное положение местного населения власти оценивали как примитивное и считали, что привитие ему новых идей не столкнется со значительным противодействием.

В докладе от 22 марта 1923 г. уполномоченный Камчатского губревкома И. Е. Ларин пишет: «В религиозном отношении оседлое население более чем лояльно, ограничивая свои религиозные отправления только обрядностью... Кочующие инородцы подвержены язычеству с вытекающим из него шаманством. По-моему, коряки и чукчи совершенно не имеют никакого представления о религии» [51, л. 4].

В кратком информационном отчете Камчатского губбюро РКП(б) за декабрь 1923 — февраль 1924 гг. сообщается: «Что касается религии, церкви и “работы” духовенства, то нужно сказать, что это “триединое мракобесие” не успело еще создать на Камчатке “доброе имени” и прочного положения, почему можно сказать, что не имеет почти никакого политического значения. Камчатское население не религиозно, за исключением спекулятивной части, ищущей утешения в ханжестве, явно и тайно поддерживая попов в их стремлении сохранить свой жалкий удельный вес и значение в глазах равнодушного населения».

Однако на практике властям все же пришлось столкнуться с трудностями в деле уничтожения религии на Камчатке.

Первое, что было предпринято в рамках реализации декрета об отделении церкви от государства, — это описание церковного имущества и передача церквей по договору верующим, о чем говорилось выше. Но многие церкви так и не передали, оставив их в распоряжении местной администрации. Такое положение вещей вызывало недовольство в среде православных граждан.

В Ключевской волости описание церковного имущества верующие встретили недоброжелательно. Прошел слух, что оно вообще будет конфисковано. Инспектору рабоче-крестьянской инспекции пришлось давать разъяснения.

В протоколе № 3 заседания краевого совета СБ от 10 ноября 1926 г. «Об антирелигиозной работе в Камчатском округе» отмечалось, что «...а) административный нажим в деле закрытия церквей и других молит-

венных домов в 1924—1925 гг. в частичной форме действительно имелся; б) были на этой почве два инцидента в Гижигинском и Усть-Камчатском районах» [52, л. 8].

Документы, направляемые в губревком, часто не дают представления о событиях, на деле происходивших на местах. Ни один конфликт в них не обозначен. Но, тем не менее, на протяжении 1920-х гг. в различных местных отчетах, докладах, информационных сообщениях, газетных статьях можно встретить описание столкновений с верующими.

В 1922 г. председатель Нижнекамчатского комитета А. Богданов задержал телеграмму с воззванием епископа Нестора, находившегося в это время за границей. При этом он пытался доказать председателю военного совета черносотенный и антиреволюционный характер воззвания.

Реакция прихожан последовала незамедлительно: «8 апреля... у нас было сельское собрание для прочтения пришедших телеграмм, и в то время церковный причт во главе со священником очень строго потребовали через общество, на каком основании я (А. Богданов. — Е. Г.) задерживаю это воззвание, я указал пункты, подмеченные номерами, неправды. На меня за это набросились некоторые из общества, не упоминая коренных жителей. Первый временно проживающий Иван Иванович Грачев, второй приписной Сергей Примаков, и еще некоторые» [53, л. 12].

После этого Богданов арестовал И. И. Грачева. При аресте тот оказал сопротивление и ударил председателя в лицо, а жена Грачева называла Богданова, по его словам, «сахалинцем и каторжником». На основании этого председатель просил у начальника Усть-Камчатского исполкома строго взыскать с обидчика [53, л. 15].

Часто конфликты возникали в связи с отменой преподавания Закона Божьего в школе и атеистической настроенностью местных учителей. В декабре 1922 г. в Нижнекамчатский сельский комитет поступило заявление от заведующего местным училищем о том, что в день Введения во храм Пресвятой Богородицы все ученики «поголовно» в училище не явились, а были в это время на богослужении в церкви. При этом родители заявили о том, что они «все верующие и в христианские праздники учиться не позволяют» и обижались на учителя за то, что он убрал образ Спасителя из школы, и даже просили его петь вместе с детьми перед уроками молитвы. Учитель в недоумении просил начальника разъяснить «как должен воспитывать детей в вере в Бога или против нее, иначе получается какой-то абсурд» [54, л. 40].

В отчете инспектора Соцвоса Камчатского ОкрОНО М. А. Жидяевского, проехавшего 2 000 верст на собаках от Петропавловска до Усть-Камчатска с 17 января по 4 апреля 1926 г., говорится: «На почве неудачной антирелигиозной пропаганды возникли конфликты с учащимися и населением в Толбачинской школе, благодаря неправильному подходу учительницы к населению.

Конфликт с населением вызвал оставление школы более 50 % учащихся, вновь возвратившихся в школу только после того, как Мильковский волревком отдал распоряжение об обязательном посещении школ. В Машуре (село Мильковской волости. — *Е. Г.*) ученик заявил учительнице: «Вы сами в Бога не верите, а нас смущать не имеете права», выражая, конечно, мнение родителей» [55, л. 71—71 об.].

В первой половине 1920-х гг. религиозность местного населения некоторых селений была непоколебима. В домах еще висели иконы, священники пользовались неподдельным авторитетом, с размахом отмечались религиозные праздники. Частично такое положение вещей (особенно в таких больших селах, как Мильково и Ключи) сохранялось и во второй половине 1920-х гг.

Инструктор по работе среди женщин Мефодьева в докладе в губбюро ВКП(б) «о проведенной работе среди женщин-крестьянок с. Елизово» от 10 февраля 1926 г. отмечает: «Елизовские крестьянки в общей массе забиты, боязливы, религиозны. Часто сюда приезжает из Петропавловска поп, который не только служит в церкви, но и ходит по домам. В церковь и ребят “гоняют”, как выразились пионеры. В хату зайдешь — по всем стенам иконы, а в переднем углу — по несколько штук, с лампадой» [56, л. 11—12].

5 апреля 1928 г. в «Полярной звезде» можно было прочитать: «Население здесь — все верующие, и запугивается попом “страшным судом”, в случае, если чада духовные будут следовать новым учениям. Учитель в селе — одиночка среди верующих. Ученикам некоторые из родителей воспрещают ходить на квартиру учителя для бесед, так как боятся, что он собьет их с “небесного пути”» [57].

Не забывались населением и христианские праздники. «Несмотря на активное участие населения в праздновании пролетарского праздника, часть населения не оставила без внимания и Пасху. Накануне этого праздника все село не спало, чего-то ожидало, во всех домах горели огни. Приблизился час ночи, и на селе загромычала усиленная стрельба из разных калибров оружия. Это была встреча Небесного бога. Канонада продолжалась с полчаса. Между прочим, за неделю до празднования Первого мая обсуждался вопрос на сельсовете о стрелковом состязании, тогда некоторые высказались, что, мол, близко к деревне стрелять нельзя: «собаки испугаются и разбегутся» [58].

Нетерпимое отношение советской власти к религии со временем стало проявляться более ярко. Чтобы не лишиться места на госслужбе, приходилось скрывать свое отношение к религии. В квартальном докладе о деятельности Хайрюзовского и Соболевского волревкомов в отношении религиозного вопроса говорилось: «Отношение русских к религии различно: женщины, не исключая жен совслужащих, как более активных, являются более зараженными религиозными бреднями, чем камчадалы и более непреклонными в своем заблуждении. Мужчины — часть отшатнулась твердо от рели-

гии, другой частью является группа неуравновешенных, как в политическом, так и в религиозном отношении, которая, смотря по обстоятельствам, сегодня неверующие и стараются выставить это с показной стороны, а завтра вдруг становятся верующими и, как орудие более хитрых интриганов, начинают внедрять эту религиозность другим и доказывают неправильность действий властей. Эта переменчивость, опять таки, является следствием из поддержки какой стороны такой “гражданин” может извлечь для себя выгоду.

Неуравновешенность политически-религиозной обстановки можно поставить отчасти в зависимость от слабой, недружной работы в этом направлении совслужащих вообще. Один из них, как фельдшер Литовка, вместо того, чтобы помочь волревкому, доказывают с женой о необходимости сохранения религии, церкви, другой, сотрудник почты, смотрит на политическую жизнь безразлично, и из того, что ранее интересовался ею, можно заключить, что не является сочувствующим настоящей власти. Вследствие этого волревкому без помощи других совслужащих, более всех обремененных работой, трудно поддерживать политико-религиозную сознательность населения» [10, л. 33].

Этот документ свидетельствует также о реальной опасности для верующих со стороны недоброжелателей, которые могли донести о проявлениях «реакционного мышления» в местные партийные органы.

Те, кто не скрывал своего отношения к вере, часто подвергались публичному осмеянию. В 1930-е гг. за любое проявление религиозности, даже в прошлом, могли исключить из партии и лишиться работы.

11 августа 1929 г. «Полярная звезда» поместила статью, в которой клеймила женщину, некую Домну Ивановну, за то, что она «систематически поддерживает стадо верующих, которых ей во что бы то ни стало нужно удерживать». Ополчились на нее, судя по статье, за то, что ей удалось многое сделать для церкви. «Попа протащить ей в члены земельного общества удалось. Она, когда на улице было тепло, на всю деревню провела большую агитационную работу в каждом доме. В результате на собрание пришли и такие граждане, которые никогда на них не бывали и попа притащили» [59].

В статье использовались следующие характеристики: «Это пудов на восемь туша — в резиновых сапогах», с лицом «богородицы — откровенной свиньи», в прошлом торговка, а теперь главарь всего антисоветского, «агитпропаганда верующих», защитник «униженных, оскорбленных и обиженных», «гостеприимный человек», «штаб сплетен о голоде, о верующих, о войне», «руководитель воспитания камчадал к русскому населению».

Житель с. Коряки Петр Полуэктович Слободчиков обвинялся в совершении «церковных обрядностей». Его решили «из рядов ВКП(б) исключить как разложившегося и дискредитирующего партию элемента» [60, л. 7].

В протоколе № 4 заседания бюро ячейки ВКП(б) о. Медный от 23 ноября 1926 г. разбирался вопрос о поведении кандидата в партию Константина

Юрьева. Ему вменялось в вину то, что «был на свадьбе, жениха и невесту благословлял иконами. И не раз тов. Юрьев говорил партийцам, что если он умрет, то его похоронить с попом. Ввиду такого поведения, которым тов. Юрьев дискредитирует всю партию ВКП, в частности ячейку, в которой он находится, бюро ячейки постановляет: тов. Юрьева, как нежелательного элемента в партии ВКП(б), исключить...» [61, л. 65]. Ранее провинившийся заявлял: «Я в партии не нуждаюсь».

Выписка из протокола Усть-Камчатской райкомиссии по чистке рядов ВКП(б): «Петров Василий Алексеевич (состоял в ячейке ВКП(б) Усть-Камчатской радиостанции. — *Е. Г.*) родился на Камчатке, бедняк... в 1917—1920 гг. был псаломщиком в с. Камаки. Постановили: как классово-чуждого (четыре года был псаломщиком), за пассивность в массовой работе, отрыва от колхозных масс исключить из рядов ВКП(б)» [62, л. 27].

Основной массой камчадалов к 1920-м гг. православие было воспринято лишь поверхностно, и требовался еще очень долгий путь для того, чтобы оно проникло в сердце. Для некоторых православие было лишь неудобным обычаем, требовавшим возить на своих собаках священника, иногда заготавливать дрова для церкви и т. д. Такая поверхностная религиозность не могла оказаться стойкой и противодействовать советскому идеологическому нажиму.

Середина 1920-х гг. ознаменовалась значительным количеством заявлений о выходе людей из религиозных групп. Об этом сообщалось в газетах, говорилось в отчетах. В 1925 г. в заявлении гражданок с. Тигиль о выходе из религиозного общества указываются следующие причины: «Вся религия вообще и православная в частности основана на порабощении, на затемнении нас — трудящихся эксплуататорами-попами, которые так усердно бьют лбами о пол, которые так громко говорят свои басни со своего амвона, дурманя этим нас. Но октябрь, давший освобождение русскому пролетариату от ига капитала и его приспешников, помог нам здесь на далекой Камчатке, наконец, сбросить эти путы рабства, проснуться от векового сна, понять всю мерзость старого прогнившего строя». На заявлении значится резолюция: «Опубликовать в стенной газете» [5, л. 15].

Подобные обоснования ухода из религиозного общества, составленные в тех же выражениях, встречаются в архивных делах неоднократно, из чего можно сделать вывод о том, что писались они под диктовку.

О выходе верующих из религиозных групп сообщалось и в «Полярной звезде»: «Религиозный дурман в с. Елизово понемногу рассеивается. Председатель группы верующих С. П. Заочный подал в сельсовет заявление. В нем он пишет не только о том, что впредь не желает быть председателем этой группы, но и совсем выходит из нее. “Довольно туманить головы граждан, — говорит он, — на последнем собрании верующих я понял это, послушав таких головотяпов, как Ворошилов, и других, дурманящих головы

граждан, очевидно, из своих корыстных целей. Об этом говорит и их темное прошлое» [39].

Основную ставку на внедрение новой идеологии советская власть делала на молодежь. Она первой принимала безбожную идеологию. В атеистической школе, в комсомоле, дававшем возможность проявить себя, молодые люди, резко отчужденные от старого, верившие в светлое коммунистическое будущее, становились проводниками этой идеологии. В избечитальне, в клубах на занятиях кружка естествознания они получали интересные знания о мире, природе и людях. Церковь казалась чем-то реакционным, устаревшим.

О том, что многие представители камчатской молодежи отвергали старую религиозность, свидетельствует факт наличия комсомольцев из среды местного населения во многих селах округа. Часто молодые люди, противопоставляя себя всему старому, сами инициировали жестокие антирелигиозные акции: сжигание икон, чучел «богородицы», участвовали в кощунственных представлениях. Они же, по свидетельству местного населения, снимали кресты с церковей и спиливали купола.

Активными антирелигиозниками выступали и пионеры. Вот выдержка из отчета о работе пионерского отряда с. Паратунка Елизовской волости за 1924—1925 учебный год, датированная 7 июля 1925 г.: «В прошлом году приезжал поп (о. Леонтий (Яковлев). — *Е. Г.*) из города, хотел расставить сети, опутать крестьян, забрать селение в свои руки, но от ЮП (юных пионеров. — *Е. Г.*) и РЛКСМ получил должное. Вывели на свежую воду цель его приезда, и сельком предложил убраться попу в 24 часа. После этого “батя долгогривый” и носу своего не осмеливается показать в Паратунку» [63, л. 20].

«Пионеры поют следующие песни: интернационал, похоронный марш, марш анархистов, антирелигиозный марш, и песню антирелигиозную» [63, л. 24—24 об.].

Обычно симпатии населения завоевывались советской властью в тех районах, где было много атеистически настроенных приезжих с материка. Эти люди обычно сразу становились одними из самых влиятельных в селении — ими были избачи, учителя, комсомольцы, партийные работники, директора совхозов и председатели колхозов.

Но в тех селах, где большее влияние имели традиции и священники, деятельность комсомольских организаций особого результата не давала. В акте обследования ячейки ВЛКСМ о. Медный от 5 мая 1930 г. значится: «Молодёжь... празднует старые праздники и посещает церковь... Население религиозное, также и молодёжь. Ячейка антирелигиозной работы не проводила, даже среди комсомольцев, которые посещают церковь. Один молодой парень рабочий, недавно вступивший, также принимал маленькое участие в богослужении, звонит в колокола, созывает народ» [7, с. 126—133].

До конца 1920-х гг. репрессивная машина советского государства на Камчатке еще не успела окончательно запугать население, поэтому оно активно пыталось вернуть или сохранить религию. Это чередовалось с натиском властей: в течение одного года множество церквей могло быть закрыто в одном районе, а в другом могли построить новую часовню и пригласить на службу священника.

В сентябре 1926 г. секретарь Дальбюро ЦК ВКП(б) Кубяк информировал своих подчиненных: «В деревне заметно оживление религиозных общин. Я объясняю это явление форсированием антирелигиозной пропаганды по округу методами, на материке давно забракованными, как не достигшими цели, а действующих как раз в обратном направлении» [3, л. 12].

Оживление религиозных общин сказалось, например, в том, что после передачи Усть-Камчатской церкви комсомольскому клубу в 1925 г., в 1926 г. она было по ходатайству верующих возвращена обратно и силами духовенства отремонтирована и приняла прежний вид. 28 октября 1926 г. Камчатский окрревком отменил своё постановление от 8 июля 1926 г. в части Седанкинской часовни и относящегося к ней богослужебного имущества, принимая во внимание, что группа верующих этого селения в количестве 50 чел. заявила ходатайство о желании получить в пользование здание и всё имущество. Так, сельсовету не удалось тогда приспособить первое под канцелярию, а фондовой комиссии при ОкрФО второе для реализации [7, с. 126—133]. В этом проявлялась заинтересованность граждан в сохранении православия на Камчатке.

Огромное влияние на положение верующих на полуострове имели священнослужители. Это подтверждается многими фактами. Основная борьба населения за свое право верить происходила именно при поддержке духовенства, пусть иногда только косвенной.

Личность священника, его поступки становились примером для всех остальных верующих. Священник разъяснял прихожанам причины появления безбожной власти, требовал от паствы чистой жизни и участия в церковных таинствах, чтобы сохранить свою веру неповрежденной. Боролся вместе с паствой за сохранение действующей церкви. Но если священник был человеком слабым, никаких активных действий по сохранению религии сельяне обычно не предпринимали.

В 1925 г. председатель Тигильского волревкома И. А. Шпагин в информации «О Тигильской и Хайрюзовской областях» (документ адресован одновременно губбюро РКП(б) и ГПУ) пишет: «Я думаю: если бы не было попов, то в некоторых селениях, более отсталых православная религия быстро бы умерла. Особенно крепка православная религия в селениях Тигиль и Палана, где имеются попы и население, исповедывающее одной религии. В Палане большинство оседлых коряк, и хотя они тайком занимаются шаман-

ством, но там имеется заядлый поп, поддерживаемый своими родственниками Лонгиновскими и Касыгиными. Таких селений насчитывается до десяти, и они сильно религиозны. Указанные родственники всецело держат население под своим давлением коряк села Палана и эксплуатируют таковых. Как тот, так и другой поп пользуются авторитетом от населения. Тигильский поп Мирошкин Николай, по слухам, до нашего приезда в церкви читал проповеди за укрепление религии в связи с отделением церкви от государства.

В с. Хайрюзово церковь передана под школу. Конечно, это достигнуто путем агитации и потому, что в с. Хайрюзово в настоящее время нет попа, население в большинстве камчадалы, хотя шаманства в настоящее время не заметно, но нельзя сказать, что его совсем нет... Новые часовни выстраиваются в сел. Кахтана и Напане. В селении Кахтана при имени того же учителя Онуфриева на следующую зиму, возможно, что выстраиваемая часовня перейдет под школу, при имени хорошего учителя, то же самое и в Напане.

...За малым исключением все учителя религиозны и поклонники местных попов-эксплуататоров. Ставлю для примера заведующего Тигильской школой Миронова Н.: на Пасхе 1924 года, я уже был в Тигиле, Миронов пел в церкви на клиросе» [64, л. 30].

Особо религиозными селениями, где священник имел значительный авторитет, были: с. Толбачик, в котором «к попу ходит почти все население» [7, с. 126—133], села Мильково, Палана, Наяхан, Тигиль и другие.

Из сообщения уполномоченного 60-го пограничного отряда (апрель 1928 г.) о «служителе религиозного культа» Максиме Пименовиче Ощепьеве, жившем в с. Толбачик Усть-Камчатского района: «В конце декабря (1927 г. — *Ред.*) в с. Толбачик было землетрясение... в церкви сломана лампада и попадали иконы. Ощепьев... сказал: «... вот, пошли землетрясения, гонения на веру, нам надо быть крепкими и за веру стоять головой. В особенности нужно сохранять веру в наших детях... Как 21-го, так и 22 января, в день годовщины смерти Ильича, в селе не было выкинуто ни одного флага, кроме школы и квартиры учителя. В сельсовете также флага не было... К попу ходит почти всё население. Благодаря попу ученики бросили ходить в школу на вечерние занятия». М. П. Ощепьева арестовали 7 сентября 1929 г., а уже 23 декабря Особое совещание определило ему срок наказания в три года лишения свободы по ст. 58, п. 10 УК РСФСР.

В 1924 г. Петропавловский городской райком РКСМ разослал всем комсомольским ячейкам Камчатской губернии циркуляр, где говорилось, что огромную роль в сохранении религиозности населения сыграли священники.

В марте 1924 г. председатель Петропавловского приходского совета иерей о. Леонтий (Яковлев) сообщает в административный отдел губревкома обо всех священнослужителях, находящихся в Камчатской губернии:

1. В городе Петропавловске — иерей о. Леонтий.
2. В селении Мильково — священник о. Павел Ворошилов.
3. В селе Ключи — священник о. Николай Каргопольцев.
4. В селе Нижнекамчатск — священник о. Геронтий Коллегов.
5. В селе Марково — священник о. Агафопод Шипицин.
6. В селе Гижига — иерей о. Нифонт.
7. В селе Тигиль — священник о. Николай Мирошкин.
8. В селе Палана — священник о. Николай Лонгинов.
9. В селе Хайрюзово — священник о. Тимофей Бучинский.
10. В селе Большерецк — священник о. Григорий Коллегов.

«Священники вышеупомянутых селений обслуживают население Камчатки данных районов» [65, л. 12]. Это неполный список. Видимо, о. Леонтий боялся за судьбу не упомянутых в нем пастырей.

Понимая значимость того влияния, которое священнослужители имели в среде местных жителей (не только верующих), советская власть стремится его уничтожить. Основными способами этого были их аресты и другие притеснения, обличающие статьи о священниках в местной печати, пропаганда случаев отречения священников от сана.

Несмотря на то, что в Камчатской губернии советская власть окончательно установилась только в конце 1922 г., а в некоторых районах только в 1923 г., притеснения священников начались ранее этого срока, в разных местностях они начинались обычно с приходом туда большевиков.

В 1922 г., когда в Усть-Камчатском районе активно стал действовать добровольческий отряд красных партизан, церковь сразу подверглась усиленному контролю. В апреле председатель военного совета отряда пишет угрожающее письмо священнику Нижнекамчатской церкви о. Геронтию (Коллегову), в котором обвиняет его в распространении прокламаций Временного Приамурского (так называемого «Меркуловского») правительства и высших духовных лиц, «явно подрывающих престиж народной трудовой власти и губящих тем дело завоеваний великой пролетарской революции».

Военный совет отряда требовал от священника не вмешиваться в дело «подрыва религии» и в дела политического характера, все имеющиеся прокламации передать совету для уничтожения. При этом партизаны предупреждали, «что если после сего не будет прекращено дело агитации, то будут приняты самые решительные меры» [53, л. 1—2].

На особом учете у новой власти были все «реакционеры» — священники. Составлялись их списки. В одном из списков в с. Ключевском (Ключи) значится «поп Каргапольцев» (священник Николай Каргопольцев). Против его фамилии стоят два креста, наибольшее число таких знаков в списках — три. Что они обозначают, мы сказать не можем.

Первые аресты производятся в конце 1922 г., после установления в областном центре советской власти. 23 ноября 1922 г. «взяли» священника Петропавловского собора о. Михаила Ерохина. Его обвинили в «контрреволюции» и шпионаже при белом Временном Приамурском правительстве. Некогда инженер П. П. Крынин писал о нем: «Священник церкви с. Ключи о. Михаил Ерохин, проведя на Камчатке три года пастырской деятельности, несмотря на свое призвание и ревностное исполнение своих обязанностей, не в состоянии был продолжать свое служение среди камчадалов, хотя со стороны последних всюду по приходу приходилось слышать самые лестные отзывы о нем, как священнике и руководителе их религиозно-нравственной жизни. О. Михаил говорил о полном отсутствии чувств в молитве камчадала и исполнении им разных обрядностей церкви, что создавало обстановку настолько тяжелую, что продолжать пастырскую деятельность, заведомо сознавая исход своих трудов, значило бы безрезультатно жертвовать своей жизнью».

16 января 1923 г. губернский отдел ГПУ получает письмо следующего содержания: «Мне стало известно, что священник Петропавловского собора Михаил Ерохин на работах на военном крейсере “Главком Уборевич” (переименованный пароход Добровольного флота «Томск». — *Ред.*) простудился, и теперь требуется серьёзное лечение, чтобы вернулась трудоспособность. Пребывание его в тюремном заключении лишь только усиливает болезненное состояние. Я покорнейше просил бы не отказать сообщить мне, в чём собственно состоит вина священника Михаила Ерохина, ибо я знаю его давно как почтеннейшего человека, не причастного каким-либо преступлениям, достойным тюрьмы, не причастного политике. Если же... необходимы при освобождении священника Ерохина какие-либо гарантии, то я ручаюсь за политическую надёжность о. Михаила Ерохина. С совершенным почтением имею быть Вашим покорнейшим слугою Епископ Охотский Даниил, Викарий Камчатской Епархии».

Священника обязали подпиской о невыезде и отпустили. Нужно сказать, что священники Петропавловского собора окормляли и все близлежащие к городу селения. Следовательно, подписка о невыезде запрещала им исполнять здесь свои обязанности.

Но 22 марта 1923 г. один из селькомов направил Камчатскому губревкому официальную бумагу, где, со ссылкой на сельское общество, просил разрешить «выезд для поста в Коряки на одну неделю священника о. Михаила Ерохина» и заверял, что «корякское сельское общество за всё время его отсутствия для пестования берёт его на поруки». В Коряках в это время своего священника не было.

31 июля 1923 г. дело о. Михаила Ерохина было прекращено, подписка о невыезде с него снята [7, с. 126—133].

моя мать
вдова и 1-1
Владимир

29 июня 1923
Вз. № 2706
Первоначальное в. в. в. в. в.

63

Въ Камчатский Губернский
Революционный Комитетъ

Прошение.

УУ

Многоуважаемый товарищ тому назад я
обратился въ Ваш. Губ. Рев. Комитетъ съ
прошением разрешитъ мнѣ постро-
ить Домъ въ Рыбовой будин. Не полу-
чивъ до сего поръ уведомленія о резуль-
татѣ прошенія, я въ настоящее время
обращаюсь къ вамъ. Прошениемъ удобсе-
творить то же съобщила бы Вамъ
на послѣдствіе также удовлетворене
каждому изъ насъ, то прошу разрешитъ
мнѣ жить въ имѣніи Владыч-
скаго или Куротскаго удѣловъ, гдѣ
я началъ изученіемъ и преподаваніемъ
языка - якутскаго и керекскаго - и какъ
и составлю русско - ичиркеецкій? Слов
вари, на основаніи котораго можно
воинитъ русско - ичиркеецкю азбуку,
какая работа я предлагаю въ
расширеніи Ваш. Губ. Рев. Комитетъ
и, тѣмъ самымъ, надѣюсь принесть
Русскому Советскому Правитель-
ству всю возможную пользу. -
Даниилъ Епископъ Охотскій,
Ваш. Камч. Епархіи.

20 июня 1923
Судгородъ,
г. Петропавловск.

Прошение епископа Охотского Даниила от 20 июня 1923 г.
(ЦДНИКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 34. Л. 77)

В 1923 г. был арестован епископ Охотский Даниил (Шерстенников). Протокол № 12 заседания губбюро РКП(б) от 16 июня 1923 г. гласил: «разбирали заявление Шерстенникова Даниила, епископа Охотского. Постановили: Шерстенникову меру пресечения по политическим соображениям не изменять. Предложить прокурору дело Шерстенникова Даниила следствием производством закончить в кратчайший срок. С первым же подходящим парходом отправить в г. Владивосток Шерстенникова Даниила со всем следственным производством» [66, л. 22]. Известно, что епископ находился в заключении на Соловецких островах, где и умер.

В дальнейшем было проведено еще много арестов священников. Их пик пришелся на конец 1920-х — начало 1930-х гг. Репрессиям подверглись также псаломщики, дьяконы и прочий причт. Они получили небольшие сроки заключения (от одного года до пяти лет). Тем не менее, не выявлено ни одного случая возвращения священников из мест лишения свободы. Как часто бывало в то время, по истечении одного срока им могли присовокупить еще один. В 1930-е гг. сроки заключения заметно выросли: до десяти лет и более. Нередко применялась и ВМН (высшая мера наказания, то есть расстрел). Фабриковались дела по обвинению в шпионаже и других серьезных преступлениях. Так, диакон Николай Константинович Логинов, родившийся в 1889 г., член церковного совета, проходил по делу «Автономная Камчатка». Приговорен к ВМН. Псаломщик Владимир Иулианович Закржевский (1887 года рождения) также приговорен к ВМН.

Бывало, что по одному делу арестовывали целые семьи, например, семью Петропавловского дьякона *Константина Константиновича Гарднера*. К. К. Гарднер (1875 года рождения), служил диаконом до 1928 г., лишенец (то есть лишен избирательных прав как социально чуждый элемент), образование низшее. Арестован 29 февраля 1932 г. Выслан в Западно-Сибирский край на три года по ст. 58, п. 10 (антисоветская пропаганда и агитация).

Иннокентий Константинович Гарднер (1880 года рождения). Арестован 27 апреля 1933 г., проходил по делу «Автономная Камчатка», по которому привлекалось значительное число камчатцев. Обвинялся по ст. 58 п. 2, 6, 11. Приговорен к ВМН, расстрелян в январе 1934 г.

Павел Константинович Гарднер (1906 года рождения), сын диакона, образование низшее. В 1925—1927 гг. состоял в комсомоле, исключен. Был безработным, получил два года принудительных работ. Признал себя виновным в шпионаже в пользу Японии по делу «Автономная Камчатка». Обвинен по ст. 58, п. 2, 6, 11. Приговорен к ВМН.

Петр Константинович Гарднер (1905 года рождения). Холост, камчадал, образование низшее. «Без определенных занятий, два раза судим за хулиганство», 1 марта 1933 г. арестован по подозрению в желании поджечь здание погранотряда «по заданию японского резидента». Тройка полномочного

представительства ОГПУ ДВК судила его 1 января 1934 г. по ст. 58, п. 2, 6, 8, 9, 11. Приговорен к ВМН [67].

В пропагандистских целях в камчатской прессе писались нелицеприятные статьи о многих священнослужителях. Сегодня сложно сказать, что в них было правдой, а что нет, но при отсутствии других источников информации любое печатное слово могло сильно повлиять на авторитет конкретного священнослужителя и всех их как таковых.

«Полярная звезда» в августе 1930 г. вспомнила слова исследователя Камчатки на рубеже XIX—XX вв. доктора В. Н. Тюшева о священнослужителе с. Ича: «Толстый поп, разжиревший на камчатской рыбе, придавил все маленькое селение. Он отнял в свою пользу рыбалку, не позволял ловить местному населению, очередных “каюрных” жестоко эксплуатировал на своих работах, как лакеев и рабов. Один смельчак напился, было, встал на защиту населения, но с помощью полицейского начальства, поп так навалился на него, что ему не было житья. Обеднел, многократно был бит попом, но терпел. Наконец, когда поп отобрал у него жену, терпение лопнуло: камчадал повесился» [49].

Тем не менее, даже в условиях резкого отторжения всего религиозного священникам иногда удавалось на время влиться в советскую действительность и работать более или менее открыто. Так, священник Щегорин, продолжая исполнять свои обязанности, работал «ликвидатором неграмотности» в с. Нижнекамчатск. Священник Тимофей Иванович Бучинский, являвшийся некоторое время членом кресткома, активно сотрудничал с местным кооперативом.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что священники пытались приспособиться к новой ситуации, а местное население, будучи вовлеченным в советскую систему жизни, лояльно, а иногда даже покровительственно относилось к духовенству. Но оставаться в таком положении долгое время последнему не удавалось. В большинстве случаев семья священнослужителя, даже в случае отказа ее главы от сана, редко находила работу. В 1930-е гг. членов семей священников изгоняли с госслужбы, никакой работы найти они не могли. Оставалось заниматься охотой, рыбалкой или уезжать с Камчатки, опасаясь, что и на новом месте работы обнаружится их происхождение или церковное прошлое.

Священников, добровольно снявших с себя сан, было немного. Среди них — Николай Степанович Каргопольцев, впоследствии работавший учителем. Известно, что население с. Ключи и других близлежащих отрицательно отнеслось к данному поступку и перестало уважать его.

В 1923 г. добровольно отказался от сана священник Александр Андреевич Архангельский. В 1924 г. заявление о разрыве отношений с религией пишет мельковский священник о. Павел (Ворошилов), но и после этого

он продолжает исполнять священнические обязанности, служит и крестит детей. Это свидетельствует о вынужденном подписании им данного заявления, о чем он и сам впоследствии говорил прихожанам.

В июле 1925 г. подобное заявление пишет тигильский священник Николай Александрович Мирошкин: «Настоящим заявляю, что сан священника я снимаю. Делаю это по собственному убеждению и доброй воле, почему прошу Тигильский волревком поставить в известность всех граждан, чтобы с этого времени не считали меня священником, а обыкновенным, как и все гражданином». Данный поступок плохо поддается объяснению, если учитывать данные документа, приведенного выше, где говорится о его активной проповеднической деятельности в 1925 г. Но в 1926 г. в списках лишенцев Николай Мирошкин значится рыбаком.

Лишенцами называлась категория граждан, лишенных избирательных прав. Ими являлись бывшие торговцы, священники, их дети, сотрудники полиции и другие. Среди причта лишенцами становились все псаломщики, дьяконы и прочие, а также священники, переставшие служить из-за возраста или болезни, или даже после отказа от сана. В информационных материалах Окрбюро ВКП(б) за апрель-октябрь 1926 г. среди лишенцев значатся 14 представителей духовенства [68, л. 26]. Составлялись списки этих людей, где указывался их род занятий и метрические данные. Возможно, так проще было следить за их деятельностью.

Положение священнослужителя и прихода в 1920-х — начале 1930-х гг. можно показать на примере жизни Петропавловского прихода и судьбы священника о. Леонтия (Яковлева).

Леонтий Яковлевич Яковлев родился в 1881 г. на Украине (Бердянский округ, с. Большие Коровницы) в многочисленной крестьянской семье. До призыва на военную службу работал в своем хозяйстве вместе с отцом. В семье было пять детей. С 1903 по 1906 г. находился на военной службе рядовым, участвовал в войне с Японией, после окончания которой поступил послушником в Уссурийско-Шмаковский монастырь. В монастыре пробыл до 1915 г. Затем назначен на станцию Седанка к архиепископу Владивостокскому Евсевию, им же был рукоположен в диаконы. В 1916 г. назначен на Камчатку диаконом при Петропавловском соборе.

Приехал на полуостров вместе с епископом Нестором (Анисимовым). Вместе с исполнением обязанностей диакона в феврале-октябре 1917 г. был служащим в разных учреждениях и предприятиях Петропавловска. С 1920 г. побочно работал инструктором на молочной форме. В этой должности пробыл до мая 1922 г., когда получил назначение священником в с. Бухта барона Корфа. Там он прожил один год и в июле 1923 г. вернулся обратно в Петропавловск. Епископ Даниил Шерстенников, в то время находившийся

1960

Коллегии Председателя Судебн.

Арестованной, наводившаяся по
Судебн Леонтия Яковлева
Прошения.

Ввиду слабо болезненного состояния
здоровья и неопределенности моего дела
даже ^{пробы} в деле лишения свободы.
Обращаюсь к Вам Про. Председателя
и покорнейшей прошу; не откажете ли
возможными способами меня из
ареста по Почтмей, или по Тел. связи
до суда, или определена. Вашим
слезам, для направления моего раз
лученного здоровья.

Арестованной Леонтия Яковлева

12 Августа 1924 г. Про. Председателя
Судебн Леонтия Яковлева.

Прошение о. Леонтия Яковлева от 1 августа 1924 г.
(из фондов ЦДНИКО)

в заключении, по просьбе верующих назначил о. Леонтия священником Петропавловского собора.

В 1923 г. организовался церковно-приходской совет, членам которого впоследствии пришлось много сделать в борьбе за сохранение православия в Петропавловске и его окрестностях.

15 июля 1923 г. о. Леонтий был арестован на судне «Красный вымпел» по приезде в город. При обыске у него обнаружили книгу «Идеология российской императорской власти». Его обвинили в распространении «контрреволюционной» литературы. Но доказать «распространение» не удалось, и священника отпустили под подписку о невыезде.

В ноябре 1923 г. в Петропавловске получили рапорт от членов РКСМ и учителя с. Паратунка о том, что священник о. Леонтий «ходил по домам и занимался агитацией», и это «является крайне нежелательным явлением». 8 ноября 1923 г. некто Агутин заявил, что во время его пребывания в с. Елизово «приезжал поп и занимался агитацией» [69, л. 197].

После этого 28 февраля 1924 г. было возбуждено новое дело относительно Леонтия Яковлева [69, л. 193]. Объявления предъявлены по ст. 72 УК «Хранение и распространение контрреволюционной литературы». Его снова арестовали 29 мая, а 30 мая заключили в Петропавловский дом лишения свободы. На допросах в распространении литературы священник не признался.

Во время нахождения его под стражей верующие Петропавловска пишут заявления прокурору Камчатской области с просьбой «ввиду приближающихся наших двенадцатых праздников освободить из-под стражи нашего священника о. Леонтия под нашу круговую поруку». Они также просят прокурора разрешить им послать телеграмму в Москву об освобождении из-под ареста о. Леонтия [69, л. 207]. Под заявлением подписалось 86 чел.

Священник находился под арестом три месяца, после чего был отправлен во Владивосток. Здесь по истечении трехнедельного заключения постановлением судебной коллегии губсуда дело было прекращено, и о. Леонтий вернулся в Петропавловск.

В 1927 г. о. Леонтий выезжал в Киев, вернулся на полуостров в апреле 1928 г. Осенью 1928 г. он получил телеграмму из Владивостока от епископа Пантелеймона о предстоящем приезде на Камчатку епископа «Живой церкви», обновленца. По приезде епископа Соболева — «живиста», как его называли петропавловские верующие, Яковлев срочно собирает заседание церковного совета. Людям, которые мало что слышали о произошедшем в церкви расколе, необходимо было четко объяснить, почему власти так поддерживают обновленцев и в чем суть раскола.

Обновленцу удалось организовать группу верующих (около 30 чел.), и он стал служить на дому. Прошел слух о том, что он обращался к председателю

окрисполкома Богатыреву и начальнику административного отдела Фролову за разрешением ему служить в Соборе.

В течение зимы и весной 1929 г. о. Леонтий вел разъяснительную работу против идеологии обновленчества не только в Петропавловске, но и в ближайших селениях — Сероглазке, Аваче, Николаевке, Елизово, Хуторе, Корьяках. Он писал письма всем священникам камчатской епархии, в которых предостерегал от обновленчества.

Это дало результат. Из протоколов допросов членов церковного совета известно, что в с. Елизово обновленческого епископа некоторые жители встретили угрозами. В с. Авача, на пути в город, ему отказали в ночевке. К лету верующие праздновали победу над обновленчеством.

Весной 1929 г. был арестован священник о. Николай Петрук. О. Леонтий разъяснял, что он служил честно, а «теперь же, когда не стало духовного пастыря, население, как темное, власть обрекает на духовную гибель».

Летом в городе прошла антирелигиозная кампания. Почти каждый номер местной газеты изобиловал сообщениями о желании рабочих и служащих передать здание собора под культурные нужды. Эта кампания сильно взволновала верующих. Под руководством священника они стали собирать подписи для протеста «в городе и ближайших селениях». Часть активных прихожанок ходила по домам верующих и рассказывала о намерении передать собор. Они же отправили телеграмму во ВЦИК, протестовавшую против незаконных действий властей. По решению ВЦИК церковь оставили верующим.

В приход Петропавловского собора до 1930 г. входили, кроме города, восемь окрестных сел, куда о. Леонтию приходилось выезжать один-два раза в год. В январе 1929 г. он по требованию управления райгормилиции составил перечень «членов религиозного общества православных христиан православной церкви при Петропавловском соборе». Документ включает 135 чел. Указано, что в Сероглазке 32, в Аваче 43, в том числе 18 мужчин, а в Халактырке — 22 чел. верующих-христиан [7, с. 126—133].

В 1930 г., согласно новой инструкции властей, район служения был ограничен, и из перечисленных селений осталось только одно — Сероглазка. Весной 1931 г. при перерегистрации общества административным отделом окрисполкома и горсовета из Петропавловского общества были исключены верующие сел Авача и Халактырка. Приходской совет решение обжаловал, просил горсовет назначить другую комиссию для более детального обследования, но безрезультатно.

Весной 1931 г. о. Леонтий совместно с церковноприходским советом собирал пожертвования для епископа Даниила, посылал из собственных средств деньги арестованным камчатским священникам о. Клименту (Мазуру) и о. Николаю Петруку. В 1930 г. было получено обращение из Владивостока

от епископа Варсонофия о посылке ему денег на нужды епархии. Приходской совет дважды отправил ему по 25 руб.

В конце 1929 г., по получении платежных книжек от инспектора ОкрФО об оплате налогов к 15 марта 1930 г., от имени приходского совета о. Леонтий составил подписные листы, которые распространялись среди верующих города и окрестных селений.

«Подписной лист. Приходской совет Петропавловского Собора, получив требование (платежные книжки) от инспектора налогов при Камчатском ОкрФО о внесении налогов по 15 марта с/г. На сумму более 200 рублей с распределением: 1) Рента — земельный участок и налог со строения (здание Собора) — 50 руб., 2) Страховка Собора — 40 руб., 3) Подоходный налог за 1929 г. — 97 руб., 4) и авансами на 1930 г. — 36 руб. Соборный приходской Совет, не имея средств на уплату непосильного вышеуказанного налога, обращается к Вам, благочестивые верующие — члены нашего религиозного Общества с просьбой: не откажите внести свою посильную лепту добровольного пожертвования на уплату требуемых налогов и на прочие нужды Собора. Приходской Совет Петропавловского Собора».

Весной на полуостров пришли известия об идущей на материке коллективизации. На Камчатке ожидали ухудшения продовольственного положения, люди запасались провизией. Все эти события воспринимались как желание власти «сделать из людей послушных рабов, так как одновременно уничтожается религия».

В 1930 г. у о. Леонтия произвели обыск. 6 сентября 1931 г. его арестовали вместе с Павлом Константиновичем Шерстенниковым, псаломщиком Петропавловской церкви, Иваном Иннокентьевичем Косыгиным, членом совета церковного прихода.

Судебная тройка ПП ОГПУ ДВК 28 ноября 1932 г. постановила: «Яковлева Л. Я. заключить в концлагерь сроком на 5 лет, считая срок с 6 сентября 1932 года»... Л. Я. Яковлев был реабилитирован по заключению Камчатской областной прокуратуры 30 июня 1989 г.

Как видно, в 1920-х — начале 1930-х гг. жизнь православных прихожан подвергалась тяжелым испытаниям. Попытка ликвидировать религиозность местного населения в середине 1920-х гг. закрытием церквей властям не вполне удалась. Им пришлось потратить много сил и времени на антирелигиозную пропаганду среди местного населения.

Большую роль в жизни камчатских прихожан играли священники. Их к середине 1930-х гг. арестовали, посадили или выслали. Церкви закрылись, печать и школы были настроены атеистически. Легально православие уже не могло сохраниться. Но изгнать его из сердца каждого камчатца советской власти оказалось не под силу.

Христос посреди нас! Глубокоуважаемый
 О. Леонтий! Служу возвестит о своем здоровье
 пока помню в восторженном живом сердце
 всем от всей души желаю, и шлю свой сердеч-
 ный привет и доброе пожелание. первым обрадо-
 ван было посланное мною Вам письмо, незнаю
 получили ли вы. Какую я конечно как
 могла вложите так и я зарешеткой, и нет
 никаких трудов и заботы как только диплом Огарком
 другим пока не знаю, может еще Бог приведет
 и свами поведать, служу закалчаткой и мажею.
 Особенно заживаем. Строч моего заключения
 16го января 1924.

О. Леонтий прошу мнѣ kwam или только
 можно, и будет милое, Валюа послати мне
 сухарей, Я орен буду благодарен и ввиду нес-
~~те~~ ~~не~~танус.

Еще шлю привет и доброе пожелание О. Николаю
 Павлу Констан. Сеурдугой. Роману Владим. Александр
 Григорья. совсем всебством, Вере Яковле и Матильде
 извиняюсь потерю записку книжку и незнаю
 кого как звать а также всем знакомым и
 меня знакомым, Мир и Боже благословенне да
 пребудет всевсем нами. праму св. Мавритъ и
 меня не забывает ~~и~~ риллами

1924г. 27го марта свещ. А. С. Еременко.

мой Адрес

Т. Хабаровск Дом Вос. Колевои Удальцов
 Т. М. О. заключеннику Александру Семенову
 Еременко.

удивляюсь что
 шлю почитать
 письмо Колеву
 Марья

Письмо священника А. С. Еременко о. Леонтию Яковлеву
 от 24 марта 1924 г. (из следственного дела)

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

19

Засед. Судтройки ПП ОГПУ ДВК от . 28 ноября 1932 г.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

Дело № 9428 по обвинению
гр. ЯКОВЛЕВА Леонтия Яковле
вича по 58-10 п.2 и 58-11
ст.УК

ЯКОВЛЕВА Леонтия Яковле
вича заключить в концлагер
сроком на ПЯТЬ лет, счита
тая срок с 6/IX-32 года.

Выписка верна: Упол. УСО ПП ОГПУ

зак. 911.

0004

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Засед. Судтройки ПП ОГПУ ДВК от . 28 ноября 1932 г.

10

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

Дело № 9428 по обвинен.
гр. ГОЛУБЕВА Алексея Констан
стантиновича по 58-10
п.2 и 58-11 ст.УК

ГОЛУБЕВА Алексея Констан
тиневича заключить в
концлагерь сроком на
ПЯТЬ лет, считая срок с
2/IX-31 года.

Выписка верна: Упол. УСО ПП ОГПУ

зак. 911.

Выписки из протоколов заседаний судебной тройки ОГПУ от 28 ноября 1932 г.
(ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2607. Л. 16, 19)

5. МИЛЬКОВСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

С 1823 г. в с. Мильково имелась церковь во имя Святого Богоявления. После пожара 1889 г. мильковчане и жители окрестных сел заново отстроили ее из лиственничного леса. В 1896 г. ее обшили тесом и окрасили белой масляной краской. В таком виде она простояла до прихода советской власти.

Смена руководства в селе поначалу не особенно повлияла на приходскую жизнь. Верующих было достаточно много, и власти, видимо, не стали рисковать и спешить с ограничениями до тех пор, пока в обществе не загорелись огни недовольства «эксплуататором-попом» и не проросли семена недоверия к церкви. Самые драматические события развернулись здесь в 1929—1931 гг., когда церковь закрыли, а двух местных священников арестовали.

До 1926 г. в Мильково священником был местный житель, камчадал Павел Михайлович Ворошилов. Он родился 28 декабря 1872 г., окончил сельскую школу, имел сыновей Иннокентия и Агафангела. Известно, что о. Павел служил в сане дьякона в Петропавловске до 1914 г. Потом был назначен настоятелем Мильковской церкви. С 1914 по 1923 г. проводил богослужения, а в 1923 г. лишился избирательных прав. В 1924 г. он был арестован и просидел в исправительно-трудовом доме в Петропавловске три месяца после того, как во время обыска у него нашли несколько листовок «контрреволюционного характера». Их принадлежность П. Ворошилову в ходе следствия не подтвердилась. Но, тем не менее, ему пришлось дать подписку властям о том, что он «бросает богослужение, что религия есть обман и дурман народа». С 1923 г. до нового ареста 24 августа 1931 г., он, по официальным документам, занимался сельским хозяйством и охотой. Но на самом деле, как уже говорилось, богослужение не бросил, а, вернувшись в Мильково, по его словам, «обманул коммунистов и... начал подпольно крестить детей и давать женщинам молитвы после родов» [73, л. 12].

В 1926 г. в Мильково появился новый батюшка — иеромонах о. Климент (в миру Корнилий Иулианович Мазур). Вот что он рассказывал о себе на допросе 6 февраля 1930 г.: «Я родился в 1875 г. Отец был крестьянином, середняк. С восьми лет учился в народном училище и успешно окончил. После работал дома по хозяйству и батрачил у других крестьян, получая в день 15—16 копеек. После призыва на действительную службу попал служить в г. Москву, в 18-й Гренадерский Астраханский полк Его Величества. В этом полку служил до 1900 г. В это время поднялось в Маньчжурии “Боксерское восстание”, и в виде чего из полка назначено было 36 человек в Китайскую Восточную охранную стражу. Я пошел в эту охрану добровольно, потому что дома земли было мало, жить было плохо. В Китайской Восточной страже пробыл до 1906 г., причем, через год — в 1901 году Китайская Восточная стража переименовалась в Пограничную охрану. В 1906 г. по окончании войны с Япо-

нией, я уволился и выехал в Никольско-Уссурийск подыскать себе работу. Но в то время работы не нашел и, имея стремление, пошел в Шмаковский монастырь, так как меня мирская и военная жизнь не удовлетворяла.

В монастыре пробыл до 1916 г. — первое время послушником, затем монахом. Жил не в самом монастыре, а в его подворье. В 1916 г. произведен был в сан Священника и получил назначение организовать на Камчатке Скит — отделение монастыря. В июне месяце выехал на Камчатку в г. Петропавловск, затем в Усть-Камчатск. Поездка на Камчатку была с заданием обследовать местность по предложению Синода до сентября 1916 г. Я проездил по восточному побережью, после чего вернулся обратно, чтобы первым пароходом в 1917 г. выехать на Камчатку уже с рабочими и инструментом, уже для постройки отделения монастыря, но революция этого не допустила, и мы остались в Шмаковском монастыре, где продолжал жить на подворье. За время революции принимал на подворье красных, белых, чехов, японцев, англичан и американцев. Все, проходя, жили на подворье, и там был развернут лазарет. В монастыре прожил до 1924 г. В ноябре месяце монастырь закрыли, и я предназначался к выезду в Нижегородскую губернию. Но за неимением средств и при том имел предложение епископа Даниила, то остался в г. Чите» [74, л. 22—23].

В августе 1925 г. о. Климент получил приглашение на Камчатку в с. Мильково. Сюда прибыл в январе 1926 г. и служил здесь по день ареста. Приняли о. Климента в Мильково истинно по-христиански.

23 марта 1926 г. секретарь губбюро ВКП(б) Д. С. Бузин ознакомился с письмом кандидата в члены ВКП(б) из Мильково Исаяи Яковлевича Демидова: «... в Милькове состоялось общее верующее собрание в составе четырех селений — Мильково, Кирганик, Машура, Щапино, Толбачик. Перед начатием собрания от служен был молебен: для того именно чтобы каждый молящий убедился в своего приехавшего попа которого встречали с радостью и слезами. Толбачинское общество верующие обещают 200 руб. попу. Мильковское общество верующих собирают свежей рыбы и приготовили ему без платную квартиру» [7].

Были предприняты шаги, которые могли бы заставить священника бояться и не настраивать население против советской власти. Однажды после праздника Пасхи его вызвали в сельсовет и обвинили в том, что он крестил ребенка, которого еще не зарегистрировали в ЗАГСе. Это стало своеобразным предупреждением, хотя пока дальше порицаний дело не пошло.

В 1929 г. в Мильково жил 441 чел. Здесь действовали двухкомплектная школа, почтово-телеграфное отделение, медицинский и ветеринарный пункты. «Имеются партийная и комсомольская ячейки и ряд общественных организаций. В Камчатском отношении с. Мильково представляет собой

большое богатое село. Кулацко-зажиточная часть Мильково составляет до 15 хозяйств» [74, л. 12].

Упомянутые партийная и комсомольская ячейки сильно поколебали авторитет церкви на селе. Может, поэтому некоторым из местных жителей о. Климент не нравился. В 1928 г. на дверях церкви кто-то повесил записку: «Вспомни как ты приехал, начинал служить, теперь запрещаешь ходить в церковь с короткими рукавами, не думаешь ли ты, что мы будем ждать... Смотри, если так будешь говорить, то скоро вылетишь» [74, л. 24.].

Действительно, некоторые молодые верующие ставили в вину священнику его замечания на исповеди о том, что нехорошо ходить в церковь в платье с короткими рукавами, а также, чтобы они не ходили в избу-читальню и не выходили замуж за комсомольцев. Сам о. Климент подтверждает это. Но по церковным канонам нахождение в церкви в платье с коротким рукавом действительно считается неприличным. «Кроме того, на исповеди, когда молодежь спрашивала: грех ходить в клуб или избу-читальню, то я отвечал, что ходить грех, но при этом добавлял, поскольку все ходят, то ходить можно, то есть не запрещал, но просил не увлекаться и не забывать церковь» [74, л. 85].

Учитель Александр Михайлович Копытин высказывал такое мнение о священнике: «Как агитатор поп хороший. Жители его любят. Жители говорят, что поп очень хороший, ничего у нас не просит... [Один житель] рассказывал... что мильковский поп хитрый, как только у него кончаются продукты, так он хочет уезжать в с. Толбачик, а как жители услышат об этом, так и несут ему продукцию, лишь бы только не уезжал» [74, л. 19].

А вот свидетельство местного жителя Степана Анисифоровича Бушуева: «С приездом в Мильково попа Мазура, культурно-просветительская работа начала падать. Большинство школьников в день религиозных праздников не посещали школу. То же самое в избе-читальне и клубе, работу кружков проводить в дни праздников невозможно, так как среди участников большинство было верующими, которые предпочитали идти в церковь» [74, л. 53].

Отца Климента обвиняли и в том, что он оказывал влияние на детей, «просил родителей, чтобы их дети посещали его, учились у него плести корзины, тем самым привлекая к себе детей и угощая их конфетами, одновременно ведя с ними религиозные беседы» [74, л. 107].

Спустя годы об о. Клименте вспоминала старожил Милькова Ксения Семеновна Ворошилова: «В доме у него была русская печь. Летом, как все, о. Климент сажал огород. Росла в этом огороде огромная репа, которой он угощал всех местных ребятишек. Проходящие мимо него дети всегда простили благословения, батюшка благословит и идет дальше. Мы его очень любили».

Комсомолец Николай Иванович Плотников рассказывал на допросе, что когда он в декабре 1929 г. ездил в с. Толбачик, то остановился на ночлег в том же доме, что и о. Климент. «Утром, после молитвы, перед которой я ушел

на улицу, поп мне говорил, что я иду не по правильному пути, почему не опомнишься, в церковь не ходишь... говорил, что все равно вернусь к вере, предлагал мне религиозные книги» [74, л. 18].

В 1929 г. в село приехал избач Гуртовенко. По словам священника, он начал распространять слухи, что крестьяне носят о. Клименту мясо, тогда как его трудно купить. Но священник уже двадцать четыре года совершенно не употреблял мяса, поскольку был монахом.

Местный кооператив, видимо, по указанию властей, отказался продавать ему продукты. На заседании церковного совета, прошедшего в 1929 г., признали, «что это неправильно» [74, л. 40]. Совет решил собрать верующих и обратиться к окрисполкому за разъяснением, написав извещение. Но результата это не дало.

Небезынтересно участие о. Климента в сельскохозяйственной артели. Из его показаний: «Когда я приехал в с. Мильково в 1926 г., то мне говорили, что в Мильково есть сельхозартель... Я поинтересовался этим делом и узнал следующее: артель организовал учитель Вачинский (сейчас его нет — умер). В артели с учителем было пять человек: Плотников Феофан Поликарпович, Плотников Андрей Николаевич, Коршунов Василий Константинович, Потапов Иллариий Феофанович и учитель Вачинский. Учитель выписал на свои деньги плуг... В 1926 г. я принял участие в распахке и посеве, так как они не знали, как это делается. Затем в 1927 г. мы снова вспахали землю, немного, всего одну десятину, и на этот раз я для себя тоже засеял около четверти десятины. Сеяли ячмень, урожай был средний... Я собрал свое зерно и после собрал и у артели» [74, л. 87]. Приведенное выше подтверждает тот факт, что жить за счет исключительно верующих ему не приходилось. В 1929 г. артель распалась.

Из разговоров коммунистов верующие и о. Климент уяснили: Мильковскую церковь собираются закрывать [74, л. 85]. Учитель А. М. Копытин говорил, что Богоявленский храм вполне подходил бы под клуб. Долго ждать этого не пришлось, но верующие легко сдаваться не собирались.

Перед закрытием в церкви был произведен обыск. В этот день, после того как закончилась обедня, верующие разошлись. Остались только церковный староста Викентий Мальцев, сторож Иван Попов и священник. В это время сотрудник ГПУ Петренко и председатель сельсовета Исайя Демидов «предложили пойти на квартиру Мазура, дабы присутствовать при обыске. После обыска на квартире пошли обратно в церковь, где также предполагался обыск» [74, л. 41].

В это же время у члена церковного совета Феофана Плотникова собралась большая группа прихожан. Разговор шел об аресте священника. Ждали прихода Константина Пинигина — церковного старосты, чтобы начать собрание верующих. Хотели пригласить Петренко и потребовать объяснений

о причинах ареста батюшки. «Тут же Кошкарев Иов, Синаев Иван стали говорить, что если церковь будут отбирать, то нужно защищать ее с оружием в руках. После чего решили идти к церкви... Когда подошли к церкви, сотрудник ГПУ Петренко, Демидов и Чмыхалов, кандидат ВКП(б), и Ворошилов Серафим вместе со священником Мазуром стояли на крыльце у паперти. Из толпы стали кричать, что церковь не отдадим, угрожать, что защищать будем и церковь, и батюшку с оружием в руках».

Верующий Парфений Михайлович Бобряков стал угрожать Петренко. Потом, когда пришел к церкви учитель Копытин, который ранее снимал кресты с часовни в с. Шеромы (Шаромы), Бобряков стал на него кричать: «Здесь не Шеромская часовня, и если он попытается снимать с нашей церкви кресты, то у нас есть винтовки, и мы сможем его пулей достать. Мальцев схватил Копытина за плечи и стал на него кричать... Кошкарев Иов стал махать кулаками на Петренко, кричал, что церковь не отдадут» [74, л. 39].

Петренко объяснял верующим, что это только обыск и ничего больше. Но только после того, как церковный староста К. Пинигин, показав ключи от церкви, попросил верующих отойти, толпа стала успокаиваться и расходиться. Некоторых даже впустили в церковь.

Из допроса Михаила Гавриловича Мальцева: «На собрании у Плотникова Ворошилов сказал: “Отец Климент арестован, и его хотят от нас угнать с тем, чтобы религиозные чувства у верующих заглушить, нам надо сейчас же собрать всех женщин и сговорить их, чтобы они пошли и отобрали его у этих хриstopродавцев”. Потапов поддержал: “Правильно, женщин, так как они им ничего не сделают”. После того из дома Плотникова вышло до ста человек, преимущественно женщин. Окружили сельсовет и требовали выдачи священника, потом окружили клуб и пытались освободить священника Мазура» [73, л. 66].

Так же верующие боролись и за церковь. Вопрос о ее передаче под клуб обсуждался на общем собрании граждан в марте 1929 г. Из показаний Саввы Иннокентьевича Бобрякова: «Группа (кулацкая) через Пинигина и Потапова и других сговорила всех женщин, которые явились полностью на это собрание, с целью срыва этого вопроса подняли крик, и, нанося оскорбления активу, пытались повести за собой общество... Пинигин говорил: “Не допускайте, верующие, чтоб коммунисты-еретики надругались над церковью”. Потапов кричал: “Да что вы смотрите, если они у нас отберут церковь, то станут отбирать и наше имущество, стойте на своем, не голосуй, небось, нас ведь больше, верующих”... но так как беднота и середняки были до этого подготовлены, то церковь была изъята» [73, л. 24].

После ареста о. Климента Иллариий Феофанович Потапов совместно с Константином Пинигиным проводили богослужения и руководили религиозными общинами. На Рождество 1930 г. они собрались в доме Павла Ворошило-

ва, на Пасху — в доме Иллария Потапова. Весной 1930 г. люди собирались в доме Коршунова, где проводили службу до поздней ночи.

На Троицу в мае 1930 г. под руководством Иллария Потапова группа верующих «с шествием» направилась в лес на Ивановский сенокос, и там Иллариий служил молебен за здравие арестованных. Ему помогали Константин Пинигин и Павел Ворошилов. Потом Иллариий предложил пожертвовать «кто что» для арестованного духовенства и о. Климента.

Все это делалось в обстановке страха. Далеко не все селяне поддерживали верующих в их противоборстве с властью. Помимо этого, в открытом противостоянии верующие находились с местным избачем Гуртовенко, а также с представителями ГПУ и милиции.

Те, кто состояли на государственной службе, и мыслить не могли об открытом посещении церкви. По словам Василия Яковлевича Демидова, местный учитель Телятьев говорил: «Мы этим шкуроедам церковь не дадим. Я хотя не хожу в церковь, но она мне нужна будет, сейчас нахожусь на службе, а поэтому не иду в храм Божий» [73, л. 78 об.].

Константину Пинигину, председателю церковного совета, «предлагали немедленно дать подписку о прекращении групп верующих», но Пинигин ничего не подписал. Он еще верил в то, что не все потеряно, почему «сговаривал верующих отобрать церковь обратно» [73, л. 27].

Через Пинигина и жен арестованных кулаков верующие поддерживали связь с благочинным камчатских церквей о. Леонтием Яковлевым. 19 января 1931 г., на Крещение, прихожане в очередной раз собрались у Михаила Плотникова. Здесь, как рассказывал Павел Андреевич Плотников, Павел Ворошилов показал письмо о. Леонтия, в котором тот писал «что мучается, и сильно нуждаются узники духовные, сидящие в советских тюрьмах. Там же и наш о. Мазур». Ворошилов предложил жертвовать деньги и дал 10 руб. Его сын Иннокентий тоже пожертвовал. По словам П. А. Плотникова, жертвовали неоднократно [73, л. 63].

Ворошиловы, Телятьев, Пинигин и некоторые другие выступали на сельских собраниях против введения самообложения. Телятьев говорил беднякам: «Вы соглашаетесь принимать контрольную позаимку самообложения, нам нужно построить домик духовенства, а они только школы да дороги хотят налаживать». Коршунов подтверждал: «Верно, я с вами согласен, я не хочу ни копейки на их тратить. Я лучше передам нашему батюшке Леонтию, о. Мазур пускай передаст нам благословение на постройку духовного дома» [73, л. 78 об.].

Отца Климента арестовали 28 января 1930 г. 10 июля заведенное на него и еще на троих мельковских «кулаков» дело завершилось. Священник получил пять лет концлагеря (по ст. 58, п. 10), в основном, за то, что он «активно проводит антисоветскую деятельность среди населения через группу верующих,

С П Р А В К А

Гр-н с.Усть-Камчатска САВИНСКИЙ Алексей Иннокентьевич являясь местным уроженцем, в 1929 году лишен избирательных прав, как служитель религиозного культа «псаломщик, чем и занимался до последнего времени, обходя в религиозные праздники население совершая обрядности и собирая требы.

За время нахождения Савинского в с.У-Камчатске, последний проявил себя, как религиозный фанатик явно враждебно настроенный к Советской власти, что подтверждается в его открытой противокolleжной агитации среди населения, распространении слухов между односельчанами о том, что на материке никакого строительства нет, так же вел агитацию за срыв хозяйственно-политических кампаний проводимых в районе.

март 32
№ 134

3. Усть-Камчатск

Председатель РИКа

Секретарь

Орлов

Чуйко

Справка РИКа об А. Н. Савинском, март 1932 г.
(ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1811. Д. 2)

" УТВЕРЖДАЮ "-
Зам. Начальника Камч. Погран Отряда
(Ю х н о)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.-
(о избрании меры пресечения)

1930 года, Января 28 дня гор. Петропавловск - Камчатский, Я, Уполномоченный Камч. Погран Отряда ВОГПУ ДВК - СЕЛИВАНОВ, рассмотрев сего числа поступивший материал на арестованного гр-на МАЗУР Корнилия Иулиановича, священнослужителя с. Мильково, Петропавловского района, 55-ти лет, русский, подданный СССР, и принимая во внимание, что имеющийся материал изобличает гр-на МАЗУРА К.И., в антисоветской агитации, что по данному материалу производится дополнительное следствие и что пребывание на свободе арестованного гр. МАЗУРА К.И., повлияет на ход следствия, руководствуясь 144, и 145 ст.ст. УПК- ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения в отношении МАЗУРА Корнилия Иулиановича, отклонения от суда и следствия - избрать содержание под стражей при Управлении Отряда.

Копию настоящего постановления направить Камчатскому Окрг. Прокурору для сведения.

Уполномоченный Селиванов (Селиванов)

Постановление о избрании меры пресечения
мне об'явлено (подпись арестованного)

Постановление об аресте К. И. Мазура от 28 января 1930 г.
(ЦДНИКО. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 2473. Л. 5)

"УТВЕРЖАЮ"

Камч. Камч.ОО-ПО ОГПУ:-

ПО С Т А Н О В Л Е Н И Е.

1931 г. сентября "14" дня; г.Петропавловск на Камчатке.

Я, Уполномоченный Камч.Погранотряда ОГПУ - ТЕМНОВ, рассмотрев следственный материал по делу № 53-31 г. и принимая во внимание, что гр. ГОЛУБЕВ Алексей Константинович, уроженец г.Вологда, рожд. 1875 г. происходящий из семьи городского священника, быв. дворянина и полковник царской армии, достаточно изобличается в том, что проживая с июня по ноябрь м-ца 1930 г. в сел.Колыгерь Петропавл. р-на вел систематическую антисоагитацию и распространял провокационные слухи о назревающей войне СССР с Японией. Переехав в ноябре м-ца 30 г. в г.Петропавловск, поселился у настоятеля местного собора священника ЯКОВЛЕВА Леонтия. Проживая у последнего, близко с ним познакомился, а также с гр. ШЕРСТЕННИКОВЫМ Павлом Константиновичем и целиком разделяя враждебные взгляды таковых к Соввласти и Компартии принял участие в их антисоветственности. Переселившись в феврале м-це 31 г. в сел.Сероглазка, вел систематическую антисоагитацию, прикрывая такую пропагандой православной религии используя для этой цели преобладающих среди населения верующих и проповедуя о скором падении Соввласти и реставрации монархического строя. Одновременно, весной т.г. года вел усиленную агитацию против организации рыб.артели, в результате чего, большая часть верующих жителей в такую не вошли;

а потому - руководствуясь 128 и 129 , 146 ст.ст.УК,

ПО С Т А Н О В И Л:-

гр-на ГОЛУБЕВА Алексея Константиновича, привлечь по настоящему делу в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-10 ч.2-я УК.

Ранее избранную меру пресечения - содержание под стражей, оставить в силе, перечислив с содержанием в Петропавловском ИТД. Копию настоящего постановления направить Прокурору Камчатского округа, для сведения и РСО КООГПУ.

Уполномоченный:- *Темнов* (ТЕМНОВ)
"СОГЛАСЕН"- НАЧ СПО:- *Ильин* (ИЛЬИНСКИЙ)

Постановление мне об"звонено:- *Ильин*

Постановление об аресте А. К. Голубева от 14 сентября 1931 г.
(ЦДНИКО. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 2473. Л. 9)

влиять тем самым на молодежь, так как группа верующих села по количеству велика» [74, л. 27].

В 1931 г. был арестован другой батюшка — о. Павел (Ворошилов). Ему вменялись в вину агитация против вступления в колхоз, хранение церковного имущества, совершение треб и получение за это пожертвований, связь с кулаками...

Арест, по воспоминаниям членов семьи Ворошиловых, проходил так: «По окончании службы все прихожане расходились по домам, а Павел Михайлович решил навестить бабушку — Михайлову Февронию Глебовну, которая всю свою жизнь проработала просфирницей в церкви. Вдруг услышал крик: “Остановись, собака!” Оглянулся Павел Михайлович — позади его стоял милиционер Демидов Исая Яковлевич, он тут же арестовал священника. Увезли его без суда и следствия. Связи с ним не было, писем он не писал, в с. Мильково не вернулся» [75]. Следом арестовали его сыновей Иннокентия и Агафангела.

В 1933 г. забрали семью Иннокентия — жену Форенью Арсентьевну и троих детей и семью Агафангела — жену Екатерину Дмитриевну с сыном Володей.

В тот же вечер, как забрали батюшку, все церковные ценности, утварь, все, что можно спрятать, перенесли в стоявший рядом исполком, на чердак. Семен Карелин работал там сторожем-истопником. Однажды он разрешил посмотреть на церковные богатства детям. Ксения Карелина и ее брат Иринарх забрались туда и видели очень богатую утварь. Спустя некоторое время, поднявшись на чердак, отец ничего не нашел: там остались только листки — страницы, вырванные из священных книг. Мать, Мария Анисимовна Карелина, религиозная женщина, чтобы они не пошли на дурное дело, велела их сжечь.

Ходили слухи о том, что эти ценности отправили в Усть-Камчатск на катере, но тот по дороге затонул. Тем не менее, некоторые предметы из церкви сохранились. Их тайком унесли верующие и местные жители. Часть имущества удалось сберечь священнику Павлу Ворошилову. По свидетельству П. А. Плотникова, батюшка говорил: «Когда меня коммунисты арестовали, они думали убить во мне веру во Христа, но я обманул и согласился, а ризу, крест и дарохранительницу спрятал, и царские деньги, при перевороте они опять будут иметь ценность» [73, л. 62 об.].

Когда после его ареста провели обыск на его охотничьем летовье, там обнаружили следующее: «Риза — 1 шт., кадило — 1 шт., крест серебряный — 1 шт., дароносица серебряная — 1 шт., Евангелие — 2 шт., журналов церковных — 3 шт., псалтырь — 1 шт.» [73, л. 35]. Ризу, епитрахиль и кадило передали «для нужд мильковского клуба», религиозные журналы уничтожили [73, л. 35 об.].

Свет на судьбу других церковных ценностей проливает рабочая сводка управления милиции Камчатской области за 25 августа — 10 сентября 1934 г.:

«Акинчиц И. А., работающий в ОблФО, будучи в командировке в Мильковском районе, устроил торги на госфондовское имущество, изъятое из церквей (находящееся в Мильковском РайФО). До торгов часть имущества продал разным лицам, и сам взял на 50 рублей, в то время как не только брать, но и участвовать в торгах он не имел права. Серебряные вещи из госфондовского имущества он привез и сдал в Госбанк, но часть вещей, как четыре серебряные тарелки, оставил как пепельницы в мильковском РИКе и себе взял серебряную позолоченную ложечку (ложка для причастия)» [76, л. 190].

Саму церковь постигла еще более печальная участь. В первый же вечер после закрытия храма там устроили вечерку. Тем самым храм, служивший многим прихожанам Мильковского района, жившим в близлежащих селах, превратили в клуб, чем еще больше испугали верующих. На вечерке были, в основном, комсомольцы. Но через некоторое время в клуб стали захаживать и остальные ребята из местной молодежи. Потом потянулись и взрослые. Только старики долго держались, но поскольку голосование и все политические мероприятия проходили именно в клубе, они тоже стали приходить в бывшую церковь.

Привлекательными для молодежи оказались комсомольская и партийная ячейки, предлагавшие им новую коммунистическую «веру». У молодых даже возникали конфликты со старшими, более глубоко воспринявшими православию. Павла Леонидовна Плотникова, восемнадцати лет, утверждала, что, когда в 1928 г. «исповедовалась у Мазура... который говорил мне: “Ты не ходи в избу-читальню, там ничего хорошего нет, и не будет, ходи лучше в церковь. Не спишь ли ты с парнями, не целуешься?” Говорил мне, чтоб я беспрекословно слушалась своих родителей и тогда долго проживу. После такой исповеди я перестала ходить в церковь. Сейчас в связи с арестом попа меня почти выгоняют из дома, думая, что из-за меня арестовали» [73, л. 11].

Интересными и новыми для жителей камчатской глубинки казались различные мероприятия, проходившие в избе-читальне. Там же устраивались антирелигиозные праздники. Например «антирелигиозное рождество», где жители высказывали свое недовольство священником и толковали о вреде религии.

По словам А. М. Копытина, у молодежи сохранялась еще и стародавняя вера в сверхъестественное (жеребьевка на охоте, отрезание кусочка носа у зверей). Христианская же вера, по его мнению, поддерживалась «попом». «Большинство верующих думают, что поп агитацию не вел. Он слишком у нас тихий. Другие думают, что церковь и государство не вмешиваются в дела друг друга. В общем, большинство имеет плохое представление о вреде церкви для строительства социализма» [73, л. 20].

Двадцатидвухлетняя Анна Семеновна Бобрякова, жительница с. Кирганик, рассказывала: «С детства была религиозной и взрослой ходила в церковь...

Однажды священник на исповеди, узнав, что я замужем за комсомольцем, стал говорить мне, чтобы я влияла на него, чтобы он порвал с комсомолом, а если не удастся, уйти от мужа. Еще узнав, что я посещаю общественные собрания... сказал, что от коммунистов ничего хорошего не будет. После этого я избегаю священника» [73, л. 44].

Как видно, молодое поколение не вместило в себя полноты православия, хотя, судя по тому, что многие продолжали причащаться, в церкви и вере не видели ничего дурного, но из-за различных слухов и пропаганды могли отрицательно относиться к священнику.

В 1931 г. верующих стало меньше, а коммунистам сочувствовали все больше. Особенно отрицательное отношение к священнику наблюдалось в бедняцкой среде. 24 августа 1931 г. на общем собрании «колхоза с беднотой», на котором присутствовали сто человек и двадцать приезжих из окрестных сел, обсуждали местного священника Ворошилова и всю «кулацкую группировку». Иннокентия Ворошилова, псаломщика и бывшего учителя церковно-приходской школы, обвиняли в том, что он «взакрытую преподавал Закон Божий» в школе, что ему бедняки бесплатно выстроили дом. Павлу Ворошилову ставили в вину то, что он когда-то взял за отпевание хорошую собаку, то, что ему приходилось возить дрова, хотя этот вопрос обычно решался на собраниях верующих по обоюдному согласию, и даже то, что он обыгрывал их в карты [73, л. 17].

Иннокентий Ворошилов — сын о. Павла — еще в детстве помогал отцу на службах. В протоколе допроса в ОГПУ значится: «Родился в 1897 г. в с. Мильково, камчадал, женат, пять детей от одного года до 13 лет. В восемь лет отец отдал меня учиться в Петропавловское городское шестиклассное училище, которое я окончил в 1911 г. В 1912 и 1913 гг. я учился в г. Петропавловске на педагогических курсах, по окончании которых я уехал в г. Томск, где пытался поступить в институт, но не мог сдать экзамены, проживал там до 1915 г. на средства, присылаемые отцом. Вернулся. По прибытии назначен учителем (в мильковскую церковно-приходскую школу. — *Е. Г.*), где учил до 1924 г. В 1923 г. я поступил псаломщиком в Мильковскую церковь. В 1924 г. уволен с должности учителя, после чего занимался крестьянством, охотой, огородничеством и рыболовством. В 1929 г. стал жить отдельно. В 1927 г. лишен избирательных прав. В 1925—1927 гг. служил в Мильковском кооперативе. Потом уволили как лишенца» [73, л. 138].

Известно, что Иннокентию Павловичу Ворошилову и его сыну Павлу Михайловичу Ворошилову дали десять лет концлагеря, считая срок с 24 августа 1931 г., а их семьи выслали из Дальневосточного края...

С начала 1923 г. на полуострове повсеместно развернулась антиправославная кампания, шедшая в трех направлениях:

— закрытие церквей и часовен, изъятие церковных ценностей;

- антирелигиозная пропаганда;
- притеснение священнослужителей (лишение избирательных прав, арест, высылка).

До 1927 г. первое направление было основным. Задача местной власти состояла в том, чтобы как можно быстрее, без значительного обострения отношений с населением закрыть большее количество церквей и часовен. Часто это проходило без согласия верующих и практиковалось вплоть до начала 1930-х гг., когда на полуострове не осталось ни одной действующей церкви. В качестве предлога для закрытия церкви нередко использовалась фальсификация протоколов собрания верующих, где они, якобы, отказывались от богослужений. Имелись случаи вынужденного написания протоколов под угрозами со стороны властей. Практика регистрации религиозных групп часто натывалась на бюрократические проволочки. Ценное богослужebное и небогослужebное имущество чаще всего или отправлялось в Петропавловск, или реализовывалось. Остальное расхищалось или оставалось бесхозным. Часть вещей могла быть передана местному клубу.

Проводниками антирелигиозной работы, контролировавшейся партийными органами, в городе и деревне были комсомол, СБ и местная печать. Грубый, кощунственный характер носила деятельность комсомольцев. Они устраивали антирелигиозные акции — комсомольские «пасхи» и «рождества». Иногда эти действия заканчивались сжиганием икон или чучел «богородицы». Все это проходило, в основном, в Петропавловске и отличалось наибольшей ответственностью до 1926 г. Затем наступило небольшое затишье, а в 1927 г. началась более продуманная антирелигиозная работа, проводившаяся, главным образом, через ячейки СБ. Организовать такие ячейки планировалось во всех населенных пунктах области, на предприятиях и при школах. Но деятельность ячеек большого успеха не имела в силу неорганизованной деятельности окружного совета СБ. К середине 1930-х гг. деятельность СБ перестала быть заметной на фоне развернувшегося колхозного строительства.

Антирелигиозная пропаганда проводилась в избах-читальнях и кружках естествознания. Особые задачи по воспитанию нетерпимого к религии поколения возлагались на школьных учителей.

Со стороны верующих сложились два основных метода сопротивления: административный (жалобы в высшие инстанции о незаконном проведении тех или иных антирелигиозных действий, вроде закрытия церквей и часовен, ходатайства об освобождении священнослужителей и прочие) и активно-протестный (от угроз местным антирелигиозным пропагандистам до митингов у местных органов власти).

До конца 1920-х гг. действия верующих носили относительно свободный характер. В дальнейшем на них оказывалось сильное давление, а с 1928 г. начинаются целенаправленные аресты священнослужителей.

Особенностью приходской жизни в условиях антирелигиозной работы советских органов власти на Камчатке являлось сильное влияние священников на жизнь прихода. От них зависело сопротивление населения новой идеологии и уничтожению церкви. После ареста священника религиозная жизнь, чаще всего, замирала...

ИСТОЧНИКИ

1. ГАКО. Ф. 185. Оп. 5. Д. 1.
2. ЦДНИКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2.
3. Там же. Особый фонд. Д. 43.
4. Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 235.
5. ГАКО. Ф. 25. Оп. 5. Д. 8.
6. ЦДНИКО. Особый фонд. Д. 19.
7. *Пустовит В. П.* Война с православием на Камчатке в первое советское десятилетие // Четвертые международные исторические Свято-Иннокентьевские чтения. — Петропавловск-Камчатский, 2006. — С. 126—133.
8. ЦДНИКО. Ф. 44. Оп. 44. Д. 85.
9. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 36.
10. ГАКО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 4.
11. Там же. Ф. 285. Оп. 3. Д. 1.
12. Там же. Ф. 207. Оп. 1. Д. 4.
13. Там же. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1.
14. Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4.
15. Там же. Ф. 206. Оп. 1. Д. 3.
16. Там же. Ф. 207. Оп. 1. Д. 13а.
17. Полярная звезда. — 1929. — 26 дек.
18. Там же. — 1928. — 18 марта.
19. Там же. — 1929. — 1 мая.
20. Там же. — 25 апр.
21. Там же. — 1930. — 17 апр.
22. Там же. — 1931. — 30 дек.
23. ЦДНИКО. Особый фонд. Оп. 1. Д. 91.
24. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 258.
25. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 4.
26. Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8.
27. Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 40.
28. *Пустовит В. П.* С «чучелом Богородицы» // Новая Камчатская правда. — 2002. — 3 июля.
29. ЦДНИКО. Ф. 326. Оп. 1. Д. 23.
30. Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 13.
31. *Сесицкая А. С.* Создание негативного образа священнослужителя на страницах камчатской прессы // Человек в истории. — Петропавловск-Камчатский: КГПУ, 2004.
32. ЦДНИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 32.
33. Там же. Д. 130.

34. Полярная звезда. — 1928. — 3 июля.
35. Там же. — 1928. — 5 февр.
36. Там же. — 25 окт.
37. Там же. — 25 дек.
38. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 7.
39. Полярная звезда. — 1930. — 30 апр.
40. Там же. — 1929. — 29 дек.
41. ЦДНИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 143.
42. Полярная звезда. — 1931. — 2 янв.
43. ГАКО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 10.
44. ЦДНИКО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 231.
45. Полярная звезда. — 1928. — 20 дек.
46. Там же. — 1929. — 13 янв.
47. Там же. — 10 февр.
48. Там же. — 1930. — № 64.
49. Там же. — 1929. — 14 апр.
50. ЦДНИКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 17.
51. ГАКО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 16.
52. ЦДНИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 69.
53. ГАКО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 20.
54. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2204.
55. Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 277.
56. Там же. Д. 241.
57. Полярная звезда. — 1928. — 5 апр.
58. Там же. — 1929. — 16 мая.
59. Там же. — 11 авг.
60. ЦДНИКО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 21.
61. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 7.
62. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 31.
63. Там же. Ф. 326. Оп. 1. Д. 6.
64. Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 159.
65. Там же. Д. 155.
66. Там же. Особый фонд. Д. 3.
67. Там же. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1855.
68. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 31.
69. Там же. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1725.
70. Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 9.
71. Из отчета комиссии Камчатского губревкома по обследованию Гижигинского уезда.
72. ЦДНИКО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 85.
73. Там же. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 37.
74. Там же. Д. 2473.
75. Воспоминания Мавры Михайловны Ворошиловой, записанные в 1964 г. в с. Мильково.
76. ЦДНИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 244.

Из циркуляра Дальбюро ЦК РКП(б) № 151 от 12 сентября 1923 г.

Секретно

...6. Молодежь, как объект в антирелигиозной пропаганде, должна занимать первое место перед прочими возрастными группами населения...

ЦДНКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

**Заявление Тигильскому Волревкому от гражданок с. Тигиль
З. А. Шемаевой, С. Ф. Пинигиной, Е. М. Сепопальниковой,
10 февраля 1925 г.**

Последнее январской собрание «верующих» и постановления, клонившиеся всецело в пользу попа окончательно дало нам женщинам понять, что вся религия вообще и православная в частности основана на порабощении, на затемнении нас — трудящихся эксплуатарами-попами, которые так «усердно» бьют лбами о пол, которые так громко говорят свои басни со своего амвона, дурманя этим нас. Октябрь, давший освобождение Русскому пролетариату от ига капитала и его приспешников, помог и нам здесь, на далекой Камчатке, наконец, сбросить эти путы рабства, проснуться от векового сна, снять всю мерзость старого прогнившего строя, свободно взглянуть и открыто сказать: да, прошли те времена, когда нам насильно вбивали религиозное учение, возврата к ним уже не будет...

ГАКО. Ф. 25. Оп. 5. Д. 8. Л. 15.

**Заявление Тигильскому волревкому от жителя с. Тигиль
Николая Александровича Мирошкина, июль 1925 г.**

Настоящим заявляю, что сан священника я снимаю. Делаю это по собственному убеждению и доброй воле, почему прошу Тигильский волревком поставить в известность всех граждан, чтобы с этого времени не считали меня священником, а обыкновенным, как и все, гражданином.

Акт от 10 февраля 1926 г.

Мы нижеподписавшиеся зав. Гижигинским Партпрофклубом т. Васильев, сторож клуба т. Какаулин Ф. и гр. Русанов Николай Михайлович составили настоящий акт в нижеследующем: Просматривая и разбирая вещи, тряпьё и разный хлам для сцены клуба в коих оказались следующие вещи: один лоскут атласный вышитый шёлком (квадратный на прокладке), одна мантия монашеская из чёрной материи, одна скуфия (поповская) и один шт. коврик-орлец (маленький), каковые негде в имуществе клуба не значаться, а по сему вместе с настоящим актом, указанные четыре вещи передаются зав. Общим Отделом Гижигинского УРК, как по всей вероятности принадлежащие церковному имуществу и на каковые нет никаких документов.

Из закрытого письма секретаря Дальбюро ЦК ВКП(б) Кубяк, сентябрь 1926 г.

В деревне заметно оживление религиозных общин. Нынешним летом на Камчатку «заброшено» порядочное количество священников, которые ведут интенсивную «работу». В населении эта «братия» встречает довольно дружное сочувствие.

Я объясняю это явление форсированием антирелигиозной пропаганды по округу. Методами на материке давно забракованными как не достигшими цели, а действующими как раз в обратном направлении. Вывод этот я делаю из следующих фактов: 1) «антирелигиозниками» были по преимуществу работники ГПУ; 2) стенные газеты пестрят сплошь антипоповской вульгарной писаниной; 3) спектакли в деревнях топорно-антирелигиозного характера превалируют; 4) эпидемия на закрытие церквей и превращение их в избы-читальни...

Метод закрытия церквей был обычно таков: устраивались собрания в деревне, приезжал кто-нибудь из работников ГПУ, делал «доклад», в результате готового постановления о закрытии церкви и передачи ее под избы-читальню.

ЦДНИКО. Особый фонд. Д. 43. Л. 12.

Поповские сплетни!

В 1927 году на Рождество из нашего села Верхне-Камчатска уехали в Мильково на праздник несколько граждан, которые сообщили, будто бы мильковский поп говорил так, что церковь опять переходит к советскому государству. Наш житель Нечаев Василий был настоящий безбожник, попов ругал и в церковь не ходил, а как только услышал, что, будто, советская власть решила принять к себе церковь, то сразу же изменил свои убеждения. Приехал в Верхне-Камчатск поп, Нечаев к нему с просьбой, призвал попа и окрестил не только родившегося своего сына, но и трехлетнюю девочку, да еще молебен отслужил. Вскоре верующие говорят, что попу надо дров нарубить, да заготовить. Тут Нечаев говорит — я буду рубить дрова, я неверующий. Интересно для чего поп распускает такие слухи. Нечаеву советую же остаться таким же безбожником, каким и был.

Полярная звезда, 29 марта 1928 г.

Одна беда за другой

В селе Толбачик свирепствует неизвестная болезнь, от которой гибнут люди. Одна беда мало — пришла вторая. Приехал поп, который пугает народ «страшным судом».

С ноября 1927 года у нас в селе начали заболеть жители... Мало ребят посещают школу... И кроме эпидемии есть и другая причина. Причина эта та, что к рождеству по старому стилю к нам приехал рассадник темноты и религиозных бредней — поп. Он горячо и смело взялся за это дело и результаты достижений его на лицо: прошлое время до приезда попа в школе была жизнь целый день и вечерами, а с приездом попа все замерло. Население здесь все верующие и запугивается попом «страшным судом», в случае, если чада духовные будут следовать новым учениям. Учитель в селе одиночка среди верующих. Ученикам некоторые из родителей

воспринимают ходить на квартиру учителя для бесед так как боятся, что он «собьет их с небесного пути». Был даже случай, что один гражданин обещал устроить «мордобитие» если учитель будет внушать детям неверие в поповские бредни...

Все это, а в частности перекочевка жителей, говорит за то, что школу надо перебросить в Средне-Камчатск.

Полярная звезда, 5 апреля 1928 г.

Письмо заключенного Александра Семеновича Еременко, бывшего священника Ключевской церкви, о. Леонтию Яковлеву, священнику Петропавловской церкви, 24 марта 1929 г.

Христос посреде нас! Глубокоуважаемый о. Леонтий спешу возвестить о своем здоровье: Пока по милости Всевышнего жив и здоров, чего и вам от всей души желаю. И шлю свой сердечный привет и доброе пожелание. Первым пароходом было послано мною Вам письмо. Не знаю, получили или нет. Нахожусь я, конечно, как птичка в клетке, так и я за решеткой. И нет никаких трудов и забот как только думать о горнем. Духом пока не падаю, может еще Бог приведет и с Вами увидимся. Скучаю за Камчаткой и жалею, особенно за Ключами. Срок моего заключения 16 ноября 1929 г.

О. Леонтий, просьба моя к Вам, если только можно и если будет на то милость Ваша, послать мне сухарей. Я очень буду благодарен и в долгу не останусь. Мир и Божие благословение да пребудет со всеми нами. Прошу св. молитв и меня не забывать письмами.

ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2606. Л. 90.

Готовьтесь к безбожной пасхе!

...Основными лозунгами антипасхальной кампании Организация Союза Безбожников выдвигает следующие: увеличение сети ячеек, увеличение количества и качества состава членов Союза Безбожников, выявление безбожного актива, усиление культурно-массовой работы и работы по распространению периодических изданий Центрального Совета Союза Безбожников СССР.

Городские ячейки Безбожника к работе приступили с первых чисел апреля, с первых же дней работы развернулась компания по подписке на периодические издания, по вербовке новых членов, о чем свидетельствует работа ячейки при АКО и др. В нынешнем году антипасхальная компания в плановом порядке у нас в городе проводится в первый раз...

Безбожники Петропавловска и порвавшие с этой дремотой «религией» эти дни будут проводить не с бутылкой в руке, которая у всех верующих появится в религиозные праздники, а за полезной работой...

Вечером 4 мая клуб ССТС мечтает провести бесплатный спектакль, который будет доступен в этот день всему трудящемуся населению Петропавловска, библиотека намечает провести в тот же вечер выставку всей новейшей литературы, всех периодических и непериодических изданий по антирелигиозным вопросам.

Наш лозунг: «Порвал с религией — вступай в Союз Безбожников». Вместо церкви в пасхальные дни иди в клуб и библиотеку.

Полярная звезда, 25 апреля 1929 г.

Кто на Камчатке не знает «знаменитую тещу» или «Домну Ивановну»?

Это пудов на восемь туша — в резиновых сапогах, с лицом «богородицы — откровенной свиньи», в прошлом торговка, а теперь главарь всего антисоветского, агитпропаганда верующих, защитник «униженных, оскорбленных и обиженных», «гостеприимный человек» — штаб сплетен «о голоде, о верующих, о войне», руководитель воспитания камчадал к русскому населению.

Эта «женщина» никогда спокойна не бывает: 1) систематически поддерживает стадо верующих, которых ей во что бы то ни стало нужно ей удержать, а отсюда — беготня, хлопоты, 2) пастыри божии на подаяния верующих существовать не могут, а отсюда бешеные заботы по сбору средств, выпуска подписных листов сбора пожертвований, накачивание древних старушек, которые выступают на собрании граждан с претензиями на советскую власть, не обеспечивающую пастырей духовных, к присутствующему на собрании председателю Окрисполкома, 3) обработка общественного мнения за принятие попа в земельное общество и предоставление ему права вылова рыбной продукции, 4) обработка приезжих работников граждан-переселенцев, привлечение их на свою сторону.

Нужно отдать ее способности справедливость — ей многое удается сделать, местная общественность спит. Попа протащить ей в члены земельного общества удалось. Она, когда на улице было тепло, на всю деревню провела большую агитационную работу в каждом доме — в результате на собрание пришли и такие граждане, которые никогда на них не бывали, и попа притащили. Не успели переселенцы сойти на берег, как она сумела сделаться среди них своим человеком, «обогрела, накормила и приютила» — стала их ходатаем и защитником перед местными властями и организациями. Особенно усердно она старается заручиться поддержкой у приезжающих работников, угощая их молоком, сметаной, балычками и даже предоставляет квартиру, в результате кой-кто иногда становится на ее сторону, выставляя ее как образец «советской активности», которую «местные организации использовать не умеют» (заявление на одном партсобрании секретаря Далькрайисполкома т. Копытина, которого она успела обработать). Она из этого извлекает большую материальную пользу.

Полярная звезда, 11 августа 1929 г.

Из доклада районному прокурору Битюкову от начальника Усть-Камчатского районного ОГПУ Мейя, 2 июня 1934 г.

По имеющимся у нас сведениям имущество церкви с. Нижнекамчатск валяется вразброс по улице, причем по инициативе председателя сельсовета Савинского, председателя колхоза Козырева и избача Бурнашова иконы положили как переходы через грязь и для вытирания ног у клуба, просим расследовать это дело, о результатах поставить нас в известность.

ЦДНИКО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 36. Л. 77.

**Список жителей Петропавловска, лишенных избирательных прав
в 1926—1928 гг.**

Яковлев Леоний Яковлевич, монах, священник.
Гарднер Константин Константинович, псаломщик, диакон.
Худенко Григорий Афанасьевич, псаломщик.
Гарднер Петр Константинович, сын К. К. Гарднера.
Гарднер Василий Константинович, сын К. К. Гарднера.
Гарднер Елена Константиновна, дочь К. К. Гарднера.
Архангельская Анна Николаевна, жена К. К. Гарднера.
Кияшко Антон Васильевич, священник, служащий.
Архангельский Александр Андреевич, священник, служащий лесхоза.

Жители с. Мильково, лишенные избирательных прав в 1927 г.

Бобриков Иван Иванович, 39 лет, псаломщик.
Мазур Климентий Иулианович, 51 год, монах, священник.
Ворошилов Павел Михайлович, 53 года, священник.
Бобряков Анастасий Мартемьянович, 28 лет, псаломщик.
Ворошилов Иннокентий, 29 лет, учитель, псаломщик до 1923 г.
Потапов Илларион Феофанович, 48 лет, псаломщик до 1923 г.

Жители с. Елизово, лишенные избирательных прав в 1927 г.

Ворошилов Гавриил Афанасьевич, 55 лет, учитель, псаломщик.
Машихин Иннокентий Егорович, 53 года, торговец.

**Лица, не имеющие права избирать и быть избранными
в сельские и городские Советы**

Алеутский район

Хабаров Николай Иванович, 29 лет, промышленник, церковный служитель.

Усть-Камчатский район

Васильев Р. С., 60 лет, священник, учитель.

Петрук Н. А., 34 года, монах, диакон.

Каргопольцев, 52 года, священник, учитель.

Еременко Александр Семенович, место жительства с. Ключи, священник.

Коллегов Геронтий Васильевич, священник.

Карагинский район

Щегорин Федор Матвеевич, 45 лет, священник, учитель.

Анадырский район

Шипицин Агафопод, 85 лет, священник. Место жительства с. Марково. Собственность — три собаки.

Шипицин Александр Агафоподович, 30 лет, сын А. Шипицина, нетрудоспособный.

Шипицина Вера Агафоподовна, 22 года, дочь А. Шипицина, нетрудоспособная.

Большерецкий район

Коллегов Геронтий Кириллович, священник.

Логинов Николай Константинович, диакон.

Манаев Иван Филипович, с. Запорожское, «духовный служитель».

Бучинский Тимофей Иванович, с. Афанасьевка, «духовный служитель».

Ворошилов Николай Александрович, с. Воровское, «служитель культа».

Самборко Савва Макарович, с. Соболево, «служитель культа».

Ворошилов Константин Иосифович, с. Крутоберегово, «служитель религиозного культа».

Климовский Афанасий Феодорович, с. Облуковино, «духовный служитель».

Серебрянников Венедикт Александрович, «духовный служитель».

Верещагин Кирилл Васильевич, «духовный служитель».

Сновидов Гавриил Васильевич, с. Ича, «духовный служитель».

Село Тигиль

Барагин Емельян Иннокентьевич, 46 лет, псаломщик.

Мирошкин Николай Александрович, 41 год, священник.

Мирошкина Анна Владимировна, 36 лет, домохозяйка.

Скорняк Серафим Степанович, 48 лет, монах, священнослужитель.

Лонгинов Николай Алексеевич, 69 лет, священник.

Карагинский район

Слободчиков Евгений Иннокентьевич, 32 года, с. Тилички, псаломщик.

Пенжинский район

Николаев Нифонт, 60 лет, с. Наяхан, монах, священник.

Село Колтаково

Сновидов Николай Иванович, 58 лет, священник.

Сновидова Евдокия Васильевна, 56 лет, жена Н. И. Сновидова.

Баранов Петр, 37 лет, псаломщик.

Куржужскино Петр Андреевич, 35 лет, псаломщик.

Русанов Петр Васильевич, 44 года, псаломщик.

Малахов Афиноген Сергеевич, 43 года, сторож рыбалки.

ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 8.

**Выписка из протокола заседания президиума Камчатского окрисполкома
от 27 июня 1929 г.**

Ходатайство Ворошилова Николая Александровича о восстановлении его в избирательных правах (ст. 14), как бывшего псаломщика, — отклонить. Нелояльности (так в тексте. Читай: «лояльности». — *Ред.*) к Советской власти ни в чем не проявил.

ГАКО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3.

**Протокол № 1 заседаний Сельпромизбиркома исполкома Алеутского
районного Совета депутатов трудящихся по выборам в Совет
от 25 февраля 1932 г.**

Протокол на основании ст. п. «Н» Инструкции о выборах в Советы — лишить права избирать и быть избранным служителя культа Хабарова Николая.

ГАКО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 10.

РКСМ

17

Заявление
Паратунской ячейки
РКСМ. 2 мая 1924 г.

В присутствии членов РКСМ
и др. лиц, помня того, что знать
не желаем, не поспешили
веткнуть в прекращении за восстановление
введение пограничных прав церкви
гражданами. Если он не поспешил
ознакомить допустить. В Вашем
присутствии, 17го подготовившем
судить о том, что он делает
кв темным членам Камчатки
Арсений Васильевич Товарищев, не
отказавшись принять немедленно
меры в случае погса, как вредного
элемента в переживаемое нами
важного времени, на сего того,
кто его приважи

Члены РКСМ М. Яковлев.
С. Яковлев С. Яковлев И. Яковлев

В Подписи

Земельный отдел Н. Яковлев

Заявление Паратунской ячейки РКСМ от 2 мая 1924 г.
(ГАКО. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 1725. Л. 198)

Иммунация Вольфганг

Зр-нок с...
С. С. Селивановичей
309 в... и...

Последнее дварок... свободные верующие и
католические, кланывшиеся всецело в
мозг... утверждению Гали Гали -
единым... Яко вся религия...
и православная, в частности основана
порабощенная на затемнении нас - про-
шущий... Декларациями - полами, ко-
торые так усердно бьют словами в при-
торе так громко говорят свои бабки
своего амьста, дурманя этим нас
всегда давший освобождение русскому
государству от ига катинана и его
метельников, папог и нем злов, но да-
жебь Намгачке, наконец сбросить эти ку-
и рабства, проснутой в вековой сна
жить веро... старого прогн...
травя, свободно взглянуть и открыто ска-
ть: да, прошим те времена, когда нас
мобили... парнями и насильно вбивали ре-
лигиозные упрямые, возврата к ним уже не бу-
т. Мы женщины... все это понятии
смысленно сбрасывали с себя всекие...
идеи. Мы неопределенно просвещены, но не
визнозного дурмана. Мы свободные женщины
ищем... идти следовать по пути...
ашии пролетариата, добь и з...
от... своим... работниками.

ГАКО	
ФОНД 25	ОН 5
КАНО 8	ЛИСТ 15

Фрагмент заявления о выходе из религиозного общества с. Тигиль, 1925 г.
(ГАКО. Ф. 25. Оп. 5. Д. 8. Л. 25)

Выписка из решения Паланского сельсовета

Лонгиновы Нестор, Алексей, Николай, Петр Васильевич лишены, как большинство псаломщиков не подлежат лишению, согласно прим. № 2 и п. 19 инструкции. ГАКО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

Священнослужители, репрессированные в 1920—1930-х гг. (неполный список)

Архангельский Александр Андреевич, родился 1 сентября 1884 г. в с. Меловое Камышинского района Саратовской губернии. До 1914 г. учитель в г. Саратове. В 1916—1921 гг. священник и учитель в с. Карага и Паратунка, потом на разных работах. Сложил сан. Делопроизводитель Водстрога, учитель. Окончил три класса духовного училища. Проживал в Петропавловске. Сын попа. Русский. Арестован 25 февраля 1932 г. Осужден с заключением в концлагерь на три года по приговору от 19 мая 1932 г.

Бучинский Тимофей Иванович, родился в 1871 г. в с. Сухоженцы Изъяславского уезда Вольнской губернии. Священник. Проживал в с. Ича Усть-Большерецкого района. Украинец. Арестован 12 июля 1932 г. 7 сентября 1932 г. осужден к пяти годам лишения свободы.

Васильев Рафаил Семенович, родился в 1867 г. в г. Акта Забайкальской губернии. Благодичный камчатских церквей, архимандрит. Образование сельское. Проживал в с. Усть-Камчатск. Русский. Арестован в августе 1928 г. 16 ноября 1928 г. осужден к одному году лишения свободы.

Верещагин Кирьяк Васильевич, родился в 1875 г. в с. Облуковино. Доброволец в Большерецкой жандармской дружине во время русско-японской войны. Псаломщик с 1893 по 1929 г. В Облуковинской церкви замещал должность попа. С 1924 г. занимался сельским хозяйством и рыбной ловлей. Лишенец. До 1930 г. состоял в группе верующих. Окончил Тигильскую церковно-приходскую школу в 1890 г. С 1 июня 1927 г. проживал в с. Кругогорова. Сын псаломщика. Камчадал. Арестован 3 марта 1932 г. 2 июля 1932 г. освобожден из-под стражи по протесту прокурора Дальневосточного края.

Ворошилов Николай Александрович, родился в 1878 г. в с. Апача Большерецкого района Камчатской области. Псаломщик. Проживал в с. Соболево. Камчадал. Арестовывался дважды: 16 апреля и 15 июня 1934 г. 23 ноября 1935 г. вынесен приговор: десять лет с конфискацией имущества.

Голубев Алексей Константинович, родился 7 марта 1875 г. в г. Вологде. Во время Первой мировой войны находился на Юго-Западном фронте, служил во 2-м Заамурском пехотном полку. Полковник, помощник начальника стражи КВЖД. Потом занимался хозяйством, клал печи. В Петропавловске помогал Л. Яковлеву в церкви чтением и пением. Окончил Вологодскую духовную семинарию, Виленское юнкерское училище. Проживал в с. Кальгирь Петропавловского уезда, приписан к Владивостоку. Дворянин, дед — сельский священник, отец — протоиерей. Арестован 2 сентября 1931 г., 28 ноября 1932 г. приговорен к пяти годам концлагеря.

Еременко Александр Семенович, родился в 1891 г. в с. Пилипче Лесновской волости Переяславского уезда Полтавской губернии. В должности священника с де-

кабря 1925 г. Образование начальное. Проживал в с. Ключи в доме прихожанина Вл. Григорьева. Из крестьян. Украинец. Арестован в 14 апреля 1928 г. 16 ноября 1928 г. осужден к одному году лишения свободы.

Климовский Афанасий Федорович, родился 18 января 1897 г. в с. Облуковино. Псаломщик в 1924—1928 гг. Окончил сельскую школу и три класса высшего начального училища. Проживал в с. Облуковино. Камчадал. Арестован в марте 1932 г. 2 июля 1932 г. освобожден из-под стражи по протесту прокурора Дальневосточного края.

Колегов Григорий Михайлович, родился 19 марта 1905 г. в с. Большерецк. Сельский разъездной псаломщик, в 1922—1923 гг. — секретарь религиозного общества в селе Старый Большерецк. До 1920 г. жил в с. Кихчик. Вместе с попом Бучинским ездил в с. Озерное. Затем проживал в с. Кавалерское. Окончил сельскую школу. Из крестьян. Дед священник, отец середняк, в прошлом псаломщик. Камчадал. Арестован 20 декабря 1934 г. Приговор — три года исправительно-трудовых лагерей — вынесен 5 сентября 1935 г.

Косыгин Иван Иннокентьевич, родился в 1878 г. в г. Петропавловске. Торговец, в 1930 г. привлекался судом за участие в лжекооперативе, член церковного совета с 1927 г. Проживал по адресу: г. Петропавловск, ул. Партизанская, 53. Происходил из семьи торговца (отец имел лавку в с. Хайрюзово). Русский. Арестован 16 сентября 1931 г. Приговор от 28 ноября 1932 г.: заключение в концлагерь сроком на три года.

Лонгинов Вячеслав Николаевич, родился в 1884 г. в с. Тигиль. Колхозник, охотник, псаломщик в Паланской церкви до 1925 г. Грамотный. Проживал в с. Палана. Отец фельдшер и поп. Камчадал. Арестован 2 июля 1931 г. Освобожден 20 августа 1932 г.

Мазур Корнилий Иулианович. Родился 19 мая 1875 г. Священник, монах Шмаковского монастыря. В 1925 г. получил приглашение на Камчатку, где с января 1926 г. был священнослужителем в с. Мильково. Окончил четыре класса церковно-приходской школы. Русский. Арестован 28 января 1930 г. Приговор — пять лет концлагеря — вынесен 10 июля 1930 г.

Манаев Иван Филиппович, родился в 1882 г. в г. Омске. С декабря 1901 по 1913 г. учитель, с 1913 г. до Февральской революции священник и учитель в с. Толбачик Усть-Камчатского района. С 1917 до 1921 г. священник Петропавловского собора и учитель в с. Сероглазка. До 1923 г. служил священником и учителем, с 1925 г. рыбак, учитель в с. Запорожье. Учился в Духовном училище и в Иркутской Духовной семинарии. Проживал в с. Запорожье Усть-Большерецкого района. Дворянин, сын офицера. Русский. Арестован 26 марта 1932 г. Приговор — пять лет концлагеря — вынесен 26 августа 1932 г. Умер 29 октября 1933 г. в Райчихинском лагпункте Амурской области.

Михайлов Иван Ксенофонович, родился в 1887 г. Житель с. Ключи. С 1921 г. старший псаломщик, в 1929—1932 гг. исполняющий обязанности священника. Проживал в с. Ключи. Происходил из семьи духовного звания. Камчадал. Выслан etapом в Западную Сибирь сроком на три года. Приговор вынесен 19 мая 1932 г.

Ощепьев Максим Пименович, родился в 1878 г. в дер. Ново-Николаевка Херсонской губернии. Священник. Проживал в Петропавловске. Русский. Арестован 7 сентября 1929 г. Приговор — три года лишения свободы — вынесен 23 декабря 1929 г.

Петраш Пимен Ефимович, родился в 1873 г. в Переяславском уезде Полтавской губернии. Священник. Проживал в г. Петропавловске. Украинец. Арестован 7 марта 1932 г. 19 мая 1932 г. вынесен приговор: запрещается проживать в 12 населенных пунктах Дальневосточного и Восточно-Сибирского краев.

Петрук Николай Ананьевич, родился в 1893 г. в дер. Гута Каменец-Подольской губернии. Священник. Проживал в г. Петропавловске. Украинец. Арестован 15 апреля 1929 г. 16 августа 1929 г. вынесен приговор: три года с запрещением проживать в 12 населенных пунктах Дальневосточного края и в приграничной полосе.

Пинигин Константин Васильевич, родился в 1904 г. в с. Мильково. Председатель церковного совета. Проживал в с. Мильково. Арестован 24 августа 1931 г. Содержание приговора от 14 января 1932 г. не выяснено.

Савинский Алексей Викентьевич, родился в 1883 г. в с. Усть-Камчатск. Псаломщик. Проживал в с. Усть-Камчатск. Русский. Арестован 20 марта 1932 г. Приговор — три года ссылки в Западную Сибирь — вынесен 19 мая 1932 г.

Селиванов Константин Николаевич, родился в 1887 г. в с. Каменка Самарской губернии. Священник, на момент ареста работал кладовщиком совхоза им. Блюхера. Проживал в с. Усть-Большерецк. Русский. Арестован 28 января 1933 г. Приговор — высшая мера наказания — вынесен 1 января 1934 г.

Серебрянников Венедикт Алексеевич, родился 14 марта 1891 г. в с. Облуковино. Псаломщик с 1916 г. Грамотный. Проживал в с. Облуковино. Сын церковнослужителя. Камчадал. Арестован в марте 1932 г. 2 июля 1932 г. освобожден из-под стражи по протесту прокурора Дальневосточного края.

Шерстенников Павел Константинович, родился 10 августа 1869 г. в с. Прокопьево Слободского уезда Вятской губернии. Бывший почетный гражданин, служил в городском полицейском управлении Благовещенска столоначальником с 1898 по 1905 г. и исполняющим обязанности помощника полицмейстера с ноября 1905 по август 1906 г., секретарь церковноприходского совета с 1917 по 1930 г., исполняющий обязанности псаломщика при Петропавловской церкви. Образование незаконченное среднее (обучался в трехгодичном начальном и духовном училищах). Проживал в Петропавловске. Происходил из семьи дьячка. Русский. Арестован 6 сентября 1931 г. 28 ноября 1932 г. вынесен приговор: выслать в Западную Сибирь сроком на три года.

Шигаев (Шагаев) Дмитрий Андреевич, родился в 1868 г. в с. Галюшевское Алтайского уезда Симбирской губернии. Участвовал в работе городской думы при «белых», судился в 1923 г., оправдан. Образование низшее. Проживал в Петропавловске на ул. Нагорной, 3. Из крестьян. Русский. Умер под следствием в феврале 1932 г.

Яковлев Леонтий Яковлевич, родился 10 августа 1881 г. на Украине в с. Большие Коровенцы Бердичевского округа. С 1906 по 1915 г. послушник Шмаковского монастыря. С 1915 по 1916 г. диакон железнодорожной церкви на станции Седанка. С 1917 г. священник собора Св. апостолов Петра и Павла. Благочинный Камчатской епархии и настоятель Петропавловского собора. Окончил четырехклассную школу. Проживал в г. Петропавловске. По происхождению крестьянин. Украинец. 6 сентября 1931 г. арестован. 28 ноября 1932 г. приговорен к заключению в концлагерь на пять лет.

Судьба культовых сооружений Камчатки

1. Собор, г. Петропавловск, закрыт 13 декабря 1931 г. После закрытия использовался на культурные нужды города.
2. Церковь, г. Петропавловск, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
3. Часовня, г. Петропавловск, закрыта 9 сентября 1924 г. После закрытия передана губпромхозу с правом сноса.
4. Церковь, с. Гижига, Гижигинский уезд. Передана под школу по распоряжению Камчатского губбюро РКП(б) от 17 ноября 1924 г. Открыта вновь 15 ноября 1925 г.
5. Часовня, с. Пенжино, Гижигинский уезд, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
6. Церковь, с. Левчик, Гижигинский уезд, закрыта 21 мая 1924 г. После закрытия передана под школу.
7. Церковь, бухта барона Корфа, закрыта, предположительно, в 1924 г., состояние после закрытия неизвестно.
8. Церковь, с. Марково, Анадырский уезд, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
9. Молитвенный дом, с. Ново-Мариинск, Анадырский уезд, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
10. Церковь, о. Беринга, Командорский уезд, закрыта в мае 1928 г. После закрытия отдана местному профсоюзу под клуб.
11. Церковь, о. Медный, Командорский уезд, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
12. Церковь, с. Елизово, Елизовская волость, закрыта 19 апреля 1930 г. После закрытия передана под избу-читальню.
13. Церковь, с. Паратунка, Елизовская волость, закрыта в 1925 г. После закрытия передана под школу.
14. Церковь, с. Николаевка, Елизовская волость, закрыта 3 октября 1925 г. После закрытия передана под школу.
15. Церковь, с. Коряки, Елизовская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
16. Часовня, с. Начики, Большерецкая волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
17. Часовня, с. Ганалы, Большерецкая волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
18. Часовня, с. Апача, Большерецкая волость, закрыта, предположительно, летом 1926 г., состояние после закрытия неизвестно.
19. Часовня, с. Малка, Большерецкая волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
20. Молитвенный дом, с. Большерецк, Большерецкая волость, закрыт 9 сентября 1924 г. После закрытия передан под школу.
21. Часовня, с. Кихчик, Большерецкая волость, закрыта 30 мая 1924 г. После закрытия передана в распоряжение сельревкома, использована под клуб.
22. Часовня, с. Явино, Большерецкая волость, закрыта 13 февраля 1925 г. После закрытия продана, деньги использованы волревкомом.

23. Часовня, с. Гольгино, Большерецкая волость, закрыта 29 декабря 1924 г. Здание передано на «культурно-просветительские нужды».
24. Часовня, с. Колпаково, Большерецкая волость, закрыта 8 июля 1926 г. После закрытия передана на культурно-просветительские нужды.
25. Часовня, с. Утка, Большерецкая волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
26. Церковь, с. Соболево, Соболевская волость, закрыта 7 ноября 1924 г. В помещении открыт клуб «Имени семилетия Октябрьской революции». 8 июля 1926 г. передана под избучитальню.
27. Часовня, с. Привольное, Соболевская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
28. Часовня, с. Ича, Соболевская волость, закрыта в 1930 г. После закрытия передана сельсовету.
29. Церковь, с. Облуковино, Соболевская волость, закрыта в июне 1930 г. Состояние после закрытия неизвестно.
30. Часовня, с. Крутогурово, Соболевская волость, закрыта в 1930 г.
31. Часовня, с. Колпаково, Соболевская волость, закрыта в 1926 г. С 1924 г. не использовалась, в 1926 г. передана культурно-просветительские нужды.
32. Церковь, с. Хайрюзово, Хайрюзовская волость, закрыта 25 июня 1924 г. После закрытия передана под школу.
33. Часовня, с. Утхолок, Хайрюзовская волость, закрыта 23 января 1925 г. После закрытия разрешено сломать.
34. Часовня, с. Сопочное, Хайрюзовская волость, закрыта 23 января 1925 г. После закрытия снесена, материал употреблен для общественных построек.
35. Часовня, с. Ковран, Хайрюзовская волость, закрыта 23 января 1925 г. После закрытия разрешено сломать.
36. Часовня, с. Морошечное, Хайрюзовская волость, закрыта 23 января 1925 г. После закрытия материал употреблен на ремонт школы.
37. Церковь, с. Тигиль, Тигильская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
38. Часовня, с. Кинкиль, Тигильская волость, закрыта 8 июля 1926 г. После закрытия снесена или использована под общественное здание.
39. Часовня, с. Седанка, Тигильская волость, закрыта 8 июля 1926 г. Решено передать сельсовету. По требованию верующих возвращена им в октябре того же года.
40. Церковь, с. Воямполка, Тигильская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
41. Церковь, с. Палана, Паланская волость, закрыта 8 июля 1926 г. После закрытия передана под школу.
42. Церковь, с. Лесная, Паланская волость, закрыта 23 марта 1930 г. С 8 июня 1926 г. по 1930 г. стояла бесхозной, потом передана верующим.
43. Церковь, с. Мильково, Мильковская волость, закрыта в январе 1930 г. После закрытия передана под клуб.
44. Часовня, с. Шаромы, Мильковская волость, закрыта в декабре 1929 г. После закрытия разрушена, материал пошел на ремонт квартиры учителя.
45. Часовня, с. Машура, Мильковская волость, закрыта в марте 1925 г. После закрытия передана на культурно-просветительские нужды.

46. Часовня, с. Щапино, Мильковская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.

47. Церковь, с. Толбачик, Мильковская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.

48. Церковь, с. Ключи, Ключевская волость, закрыта в октябре 1931 г., состояние после закрытия неизвестно.

49. Часовня, с. Кресты, Ключевская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.

50. Часовня, с. Козыревск, Ключевская волость, закрыта в марте 1925 г. После закрытия передана под клуб.

51. Часовня, с. Ушки, Ключевская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.

52. Часовня, с. Камаки, Ключевская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.

53. Часовня, с. Еловка, Ключевская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.

54. Церковь, с. Нижне-Камчатск, Усть-Камчатская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.

55. Церковь, с. Усть-Камчатск, закрыта в 1925 г., передана клубу, в 1926 г. возвращена верующим.

56. Церковь, с. Дранка, Дранкинская волость, закрыта 15 февраля 1924 г. После закрытия передана на культурно-просветительские нужды.

57. Церковь, с. Карага, Дранкинская волость, закрыта 28 ноября 1923 г. Состояние после закрытия неизвестно.